

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ
К
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ
ОТЕЧЕСТВУ!

Сергей Шкенёв
**Архангелы
Сталина**

Сергей Шкенёв

Архангелы Сталина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2817095

Архангелы Сталина: фантастический роман/ Сергей Шкенев: Якуза:

Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-39679-5

Аннотация

Дьявол уже посещал сталинскую Москву – в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Теперь настал черед посланников Небес. Но что делать Архангелу, ненароком оказавшемуся в СССР? Да то же, что и всегда, – беречь и защищать Россию! Ну и, по возможности, расширять ее территориально. Что не так уж сложно, когда в подчинении у тебя сам Лаврентий Павлович Берия, причисленный к лику мучеников, богомазы расписывают храмы светлыми ликами Иосифа Грозного, героев Советского Союза награждают орденами Ленина с мечами, наркомом культуры назначен Михаил Афанасьевич Булгаков, Патриарх, сверкая Георгиевскими крестами, рассуждает с товарищем Сталиным о богоугодности танковой промышленности, «сталинские херувимы» завоевали полное господство в воздухе, а непобедимая Красная Армия идет Крестным ходом в Европу...

Говорите, Бог есть любовь? Верно – любовь к
социалистическому Отечеству!

Содержание

Глава 1	6
Житие от Гавриила	6
Житие от Израила	16
Житие от Гавриила	18
Глава 2	27
Житие от Израила	27
Житие от Гавриила	30
Глава 3	41
Житие от Израила	48
Глава 4	57
Житие от Гавриила	57
Житие от Израила	67
Глава 5	73
Москва. Кремль	73
«Челюскин», Баренцево море	79
Житие от Израила	81
Житие от Гавриила	86
Глава 6	91
Житие от Гавриила	91
Житие от Израила	97
Житие от Гавриила	100
Глава 7	109
Житие от Гавриила	109

Житие от Израила	113
Москва. Кремль. Кабинет Сталина	117
Житие от Гавриила	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергей Шкенев

Архангелы Сталина

*Автор выражает искреннюю признательность
за поддержку:*

*Логинову Анатолию Анатольевичу,
Максимушкину Андрею Владимировичу,
Демину Дмитрию (Ник. К.)
и отдельно моему лучшему читателю –
Филиппову Виктору Эдуардовичу.*

*Автор предупреждает, что все имена
собственные, географические названия и события
вымышлены, и узнавание себя в некоторых героях
является неспровоцированным приступом мании
величия.*

Глава 1

*Ты не жди, не зови меня.
Ангел был никудышный я.
С. Трофимов*

Житие от Гавриила

Вы помните, как все это начиналось? Нет, вы этого и не

можете помнить. Это моя история. Или не только моя. Но я вам ее расскажу. И напарник поможет. Вот он рядом сидит, головой кивает. Будто и вправду слушает. Но как проснется, он, конечно, скажет.

Все началось с приказа. Вот такая вроде бы мелочь, приказ о понижении в должности. И что переживать? Не первый он да и не последний, надеюсь.

Изя выскочил из кабинета шефа, имея донельзя бледный вид и повышенную взъерошенность организма. В руке у него был судорожно зажат внушительного вида свиток с яркими восковыми печатями на витых шнурах. Я из интереса пересчитал печати. Три штуки. Почетно. А у меня только две. Ну не считать же ту, что шеф не стал крепить к шнуру, а попросту запустил мне в голову.

– Нет, ты это видел?

– Да видел. Видел.

– Нет! Ты это не видел.

– Изя, прекрати истерику. И вообще перестань тыкать этой бумажкой мне в рожу. И не морочь мне голову. Я такой же папирус получил полчаса назад. Ты почему опоздал?

Изя изобразил удивленную физиономию и попытался свалить все на меня.

– Но, Гиви, ты же не сказал что нам нужно к девяти утра по московскому времени. Я в Лондоне был. Вот и пришел по Гринвичу.

– И что, разница между Москвой и Лондоном только пол-

часа? – Я безуспешно попытался изобразить сарказм в голосе.

Изя достал из кармана глобус.

– А разве нет? Я по карте смотрел – вроде близко. Да ты сам погляди.

Порой сам себе удивляюсь: и как я за столько лет этого хмыря не прибил? Поистине нужно архангельское терпение. Ах, да. Теперь уже просто ангельское. Почему просто ангельское? Так разжаловали нас с Изей из архангелов в простые ангелы. Вот только что. Ладно еще не в эти... Как их там... С неприличным названием. Точно – херувимы. И зарплату вдвое срезали. Если бы мы ее деньгами получали, то это еще ничего. Но ведь божьей благодатью... По вчерашним котировкам это... Да разве вам, людям, понять, что такое божья благодать.

И свитки папирусные нам на память вручили. А там золотым по серо-желтому такого про нас. И зачем мне эта торжественность?

Вот если бы наградили. Например, Золотым Пером в правое крыло. Хотя бы Серебряное в левое. Но это я раз мечтался. Перо у нас только угодникам и апостолам положено. И зачем им оно, если крыльев нет? Наш шеф приспособился на лысину награды крепить. Ходит, как Чингачгук, прости меня, Господи.

Или все началось чуть-чуть раньше? Пожалуй, что и так.

Началось все с очередного вызова к шефу.

– Итак, господа архангелы – божьи чины, – шеф сделал многозначительную паузу, – вам поручается важная миссия.

– В мусульманском раю девственниц сторожить? – сразу оживился Изя.

– Нет, – отрезал шеф. – Тебя вообще туда на пушечный выстрел не подпустят.

– Но, шеф, в джаханне нет пушек. Рай все-таки.

– Молчать! Смирно! Слушай приказ. Вы оба, для архангела Израила повторю – вдвоем, отправляетесь в качестве моральной, духовной и божественной поддержки на Северный полюс. Старшим назначается архангел Гавриил. Вопросы?

Вопросы у меня были. И самый главный из них я задал:

– А на фига мы там нужны, шеф? Пardon, Ваше Высокочудотворие.

– Будете сопровождать экспедицию Чилингарова. Отплытие завтра утром из Мурманска на «Челюскине». Документы получите в бухгалтерии.

– Извините, шеф, – влез неугомонный Израил, – а я читал, что корабль из Архангельска отходит. И разве на «Челюскине» поплывем?

Недовольный шеф заглянул в ноутбук, мирно жужжащий на столе, и пробежался по клавишам.

– Теперь уже из Мурманска. Послезавтра. За сутки успеют перегнать. И не перебивай начальника! Мне лучше знать название парохода!

Выйдя из кабинета, Изя только жалобно захлопал глазами и потребовал у меня разъяснений.

– Гиви, он что, совсем очумел? Какой пароход? Мы же во льдах потонем. Там ледокол нужен.

– Поздно, Изенька. Нам еще повезло, что шеф нашу экспедицию не на поморских кочах отправил.

– Но почему?

– Элементарно. Он, кроме «Челюскина», других названий не знает. Ему на льдине голову немного отморозило. Наш уважаемый шеф на дрейфующей станции «Северный полюс-1» начальником был.

– Не может быть. Я же там радистом... РАЕМ – мои позывные. Так вот почему он на меня так нехорошо последние семьдесят лет косится. Наверное, за то, что при чистке оружия пару деталей от примуса подбросил. Товарищ Папанин потом три ночи не спал, пытаясь лишние запчасти к «маузеру» приделать.

– За что ему такие шутки?

– А, – отмахнулся Изя, – политика. Они втроем с Широковым и Федоровым под спиртик партийные собрания проводили. А меня, как единственного беспартийного, из палатки на мороз выгоняли. Все окрестные белые медведи меня уже в лицо знали. В него же и смеялись.

Вы удивляетесь такой командировке? Было бы чему. Вполне богоугодное дело укрепления и расширения право-

славно-мусульманского государства. Не зря же мы с Изей в Русском отделе нашей конторы трудимся. А что мусульмане? Как что? Или вы татар нерусскими считаете? То-то и оно. Народу много, а архангелов мало. Но ничего, справляемся. Изю постоянно в качестве ангела смерти привлекают. На полставки. Шеф и то, бывает, святым Хызром подрабатывает. А на Новый год Дедом Морозом.

Структура нашего ведомства проста и незатейлива. В нем всего два отдела, наш – русский и еще нерусский, который и занимается католицизмом, протестантизмом и прочими еретиками, включая бабтистов и англиканцев. Свидетели Иеговы и адвентисты седьмого дня, те стоят на учете у вероятного противника. Еще у нас есть подотдел раскаявшихся грешников. Что? Нет, благородные киллеры, так любимые современными писателями, не по нашему профилю. Также подотдел адаптации и распределения душ (куда нас и сослали обычными сменными дежурными) и управление делами Райских Куш. Но туда в основном бывшие агрономы попадают. А вот гринписовцев, тех сразу сковородки лизать. Тефаль всегда думает о них.

Ну, это я опять отвлекся. А так, расширение русской территории как раз под наш профиль попадает. Вот, помнится, водил как-то казаков в Сибирь... Да, были времена. Я в золоченых доспехах с орлами. В руке сабля посвистывает. На ногах алые сапоги поскрипывают. Над ухом стрелы повизгивают. И общую идиллию только Изины вопли наруша-

ют. Вот надрывается: «Ерема, к Иртышу отходи, прикрою!» Прикрыл, собака. Я потом полдня крылья над костром сушил. Нашли, блин, водоплавающую лебедушку.

Он мне так обратную амбаркацию решил залегендировать. А мне перед историками стыдно. Их с началом перестройки много помирать стало. И всех в рай направляют. Ну ладно, не всех. Есть еще и лауреаты Нобелевских премий, и германофилы всякие вермонтские. Это, конечно, не наш контингент. А честных, тех к нам. Думаете, мало их, честных историков? Очень даже много. Оба они честные. И Ломоносов, и Гумилев. Правда, и умерли задолго до перестройки.

А перестроечные историки трусами на рынке торгуют. И зря смеетесь. У меня знакомый доктор наук натуральным бельем от кутюр капиталец изрядный сколотил. Жена у него шьет на машинке, а он на рынке стоит. Жена до торговли не доросла. Обычный кандидат.

Опять отвлекся. Да, так и приходится мне от Ломоносова с Гумилевым прятаться. Я же на работе по форме ходить обязан. Все в том же доспехе орленом. Правда, вместо сабли огненный меч положен, да разве в ножнах видно. Как набежали раз да как давай донимать расспросами: «Расскажи, Ермак Тимофеевич, свою родословную». Ладно удачно на Ерофея Хабарова стрелки перевел. А сам бежать. С тех пор от них и бегаю.

Эх, утро, хмурое раннее утро. Да что за сволочь непотреб-

ная тебя выдумала. Это не вопрос. Крик архангельской души. С трудом отрываю голову от подушки и безуспешно пытаюсь прихлопнуть надоедливо дребезжащий будильник. Не нахожу заразу. Потом все же осознаю, что это внутренний мой будильник, и прихлопнуть его не получится. Да, как все же въедаются привычки человеческие. Но ведь, с другой стороны посмотреть, созданы-то они по образу и подобию. Так что, может, и мы просто тянемся к эталону? Нет, «Эталон» мы вчера не пили.

Стоп, стоп, стоп. Так и до крамолы недолго додуматься. Но все же, Он тоже так с похмелья страдает? Да, Господи, тогда очень сочувствую. Если у меня, с малой частичкой твоей искры так башка раскалывается, то представляю, как оно по полной программе. Это Изя виноват. «Попробуй, – говорит, – просто божественный коньяк». Вот и накушались во славу Твою, прости меня, Господи, аж до положения риз.

Кстати, о ризах. Я так и уснул вчера одетый. Так-с, а почему в валенках и тулупе? Какие тулупы? Хоть бы какая собака кофе сварила. Собака? Собака... Кажется, были вчера собаки. А лучше рассолу... Или квасу. И пиво тоже буду... Но пива нет. Есть собаки. Какие еще собаки? Откуда у меня в спальне ездовые собаки в комплекте с нартами? Так, в холодильнике тоже нет пива. А собаки были... Точно, это собаки выпили мое пиво. Но не в холодильнике. Да снимите с меня этот тулуп. И дайте квасу. Или минералки холодной. И пиво тоже буду. А коньяк больше не буду. Разве что водочки.

Но самую капельку. Только холодную-холодную до тягучести. И из хрустального графинчика налью ее в хрустальную же рюмочку... И под селедочку... А собакам не налью. Они мое пиво выпили. Или это Изя выпил? Изя – собака! А разве бывают ездовые таксы? Кто притащил в мой дом таксу? Такса, у тебя есть пиво? Мое пиво. Да, и своего нет. Есть только короткие кривые ноги, длинные уши и наглая, длинная морда. Убери морду и перестань меня лизать. Собака. А ведь от тебя тоже пахнет винищем. Кто напоил таксу? Изя? И снимите с меня этот тулуп. И валенки снимите. И сварите мне кофе. Такса, ты умеешь варить кофе? А что ты вообще умеешь? И не лезь под диван. Чем ты там звенишь? Такса, дай я тебя поцелую. Ну и что, что коньяк? Мы по чуть-чуть. Лекарство. Такса, ты пьешь коньяк? Ой, как хорошо! Ты закусывай, ушастый, закусывай. погоди, окурки из шпротов уберу. Ну что, еще по стописят? Да помню я про командировку. Нет, такса, кофе мне варить ты не будешь. Да ладно, чего нам с бутылки на двоих будет. А под диваном точно ничего нет? Да верю я тебе. А на полюс со мной поедешь? На охоту пойдем. Не веришь? Зря. Что значит, какой из меня охотник? Да я весной на открытии охоты... А ты знаешь, что весной уток девочек нельзя стрелять? Точно тебе говорю. Только селезней. Ты не знаешь, кто такие селезни? Ну, ты тундра неогороженная. Селезни в садах и огородах живут. Мерзкие такие, склизкие. А по ночам они вылезают и жрут клубнику. Вот за это их и стреляют. Как это на полюсе уток нет? А куда

же они весной летят? Ах, не долетают... Что, ты по уткам не спец? Тогда на медведя пойдём. На белого медведя. Норы? Да, наверное, в норах живут. Там же деревьев нет, гнезда вить негде. И я говорю, что втроем веселее. Третий? Изя. Это он наше с тобой пиво выпил. Изя – собака!

Житие от Израила

Я знал, знал, что такому негодяю, как Гиви, нельзя доверить нашу летопись. Вы считали, сколько раз он назвал меня собакой? А сам? А сам приперся на причал за двадцать минут до отхода парохода изрядно поддавши, с таксой на поводке, ружьем на плече и с сумкой, в которой что-то заманчиво звякало.

– Сколько лет – одна зима! Где тебя вероятные противники носили? Почему в тулупе посреди лета и что это за барбоска за тобой увязался?

Гиви, видимо, был не в состоянии усвоить столько информации зараз и потянулся к сумке, решив помочь себе очередным апгрейдом. Но передумал и поднял на меня свой ясный взор.

– Не трогай такса, гнида ооновская! Нашел барбосу. Это, между прочим, родной папа лабрадора Кони. Он еще твою жену научит щи в сортире варить. Изя, твоя жена умеет варить щи?

Не понял. Мой непосредственный начальник уже не знает моего семейного положения? Да и своего, кстати. Нам жены по рангу не положены. Ну, разве что во время командировок в качестве прикрытия. Оно, конечно, качество разное бывает. Но после двух-трех командировок иллюзии развеиваются. Это людям хорошо. Пожили чуток женатыми, и вот уж

помирать пора. А у нас... Жуть. Представить себя женатым на молодке возрастом по десять тыщ лет? Увольте. Лучше уж как Люцик. Ему, кстати, отдельное спасибо. Именно после его бунта наше безбрачие было утверждено официально. Во избежание, так сказать, и впредь.

– Где наш корабль? – Гиви мутным взглядом изобразил разглядывание порта. – И ты зачем выпил мое пиво? Наше с таксом пиво.

– Да никакого пива я не пил. Ни с таксами, ни с раками.

Гиви не поверил почти чистой правде и опять спросил:

– А корабль?

Я махнул рукой в сторону тринадцатого причала.

– Вот он, наш красавец. Не видишь что ли?

– Ой мать... мать... мать... мать... – Чайки долго вторили эху, метавшемуся в тесноте Кольского залива.

Житие от Гавриила

Вот мать моя. Хоть и не было у меня ее никогда, а вспомнить пришлось. Даже протрезвел сразу. Нет, ну что творят. Что творят, уроды. Ну зачем же понимать так буквально! Или это я просто чего-то не понял?

– Изя, я, правда, вижу это?

– К сожалению. Наши придурки, тебе ли не знать наших придурков, шутить не умеют. Приказ шефа выполнили точно и в срок.

Я не знаю, почему Изя так спокоен, но меня уже начало колотить от злости. Это надо же было догадаться! У тринадцатого причала попыхивал дымком, как недорезанный большевиками буржуй сигарой, самый настоящий «Челюскин», кокетливо украшенный разноцветными флажками. Да еще издевательски поблескивал под незаходящим ночным солнцем надраенными медяшками, словно только что сошел со стапелей копенгагенской верфи. Еще раз – мать... мать... мать...

– А наши уже погрузились? В смысле из экспедиции.

Напарник злым жестом выбросил недокуренную сигарету в зеленую волну и отпихнул такса, пытавшегося заменить Изиной же ногой отсутствующие столбики.

– Вот и хрен-то в том, командир, что нет тут наших. И слава богу, что нет. Это тот самый пароход из тридцать тре-

того года. Наши умники его вместе с командой умудрились перетащить. Но и это еще не все.

– Говори сразу.

– Час назад отсюда же ушла «Пижма». На нее погрузили глубоководный аппарат, кучу всякой аппаратуры сопутствующей и в нагрузку Сагалевича под конвоем привезли.

– Когда? Да я им сейчас... Да карающим мечом. – Я попытался стащить тулуп, мешающий расправить крылья. Но был остановлен благоразумным Изей.

– С ума сошел, над Мурманском летать? Да тут система ПВО не хуже, чем Москву прикрывает. А может, и лучше по причине удаленности от Москвы. Собыют на хрен. И перьев на память не оставят. Чего командовать будешь?

– Айда на корабль. Нам еще расположиться надо до отплытия.

– Отхода, – машинально поправил напарник.

– Без разницы. Такса, веди. – И будущий охотник на полярных медведей повел нас к трапу, возле которого стояли два бойца с карабинами в подозрительно знакомой форме.

Странно, а почему никто из громадного количества народу в порту не замечает этих самых странностей? Во-первых, странно-древний пароход у причала. Во-вторых, энкавэдэшники у трапа. Или тогда были еще огэпэушники? Не помню. А в-третьих, какое отношение ко всему этому имеет наш шеф? Он хотя угодник и чудотворец, но не дурак же, в конце концов. Тем более издавна считался покровителем русского

флота и в капризном желании утопить повторно ранее благополучно утопленную посудину его заподозрить трудно. Значит, тут есть какая-то интрига. Ненавижу интриганов. У нас этим делом в основном херувимы занимаются. А мы, архангелы, народ простой. Войска, там, в битву вести. Или флоты, что не менее почетно. Грудью на грудь, мечом на вилы. Пожалуй, за исключением хитрож... хм, хитрокрылого напарника. Вот и сейчас, видно, задумал какую-то комбинацию. Сотовый телефон терзает. Неужели нельзя пользоваться мыслепередачей, как все нормальные ангелы и архангелы? Нет, названивает, как последний херувим. Что-то пробормотал вполголоса в трубку и мне ее передает.

– Гавриил Родионович, к аппарату пожалте. Илья – пророк на связи.

В трубке были слышны грозовые разряды и глухое ворчание дальней грозы. И конечно же, запахло озоном.

– Гиви, – прямо по башке бил бас из телефона, – я, конечно, послал этого прохиндея на все известные адреса. Но ты скажи, может, и правда моя помощь требуется?

Я огляделся по сторонам, прикидывая, где бы пригодилась Илюшина помощь. Может, кого стоит молнией по тылке прогладить? Но если Изя чего-то просил... При всей его прохиндейности мой напарник никогда не был не прав. Только когда мое пиво выпил.

– Дык, ведь оно, Перун Родионович, – я осторожно начал охмурительную работу, – он же по моей просьбе звонил. Зря

не побеспокоил бы. Уважение понимает. Но ведь точно край у нас. Ситуация, так сказать. Уважь по-свойски.

Ой, чего я несу? Перед бывшим языческим божком распинаюсь, который из простых генералиссимусов выбился, а теперь у нас квислингует. Не зря же напарник рожу ехидную соорудил. Изя – собака. Кстати, и наглый такс ухмыляется. Ты-то что ржешь, морда?

– Хорошо, – донеслось из телефона, – через две минуты буду. Ждите меня за ближайшим углом.

Действительно, через минуту из-за ближайшего угла выехал роскошный открытый лимузин неизвестной марки с сидящим на заднем сиденье комиссаром госбезопасности 1-го ранга. Рядом с водителем скромно маячил невзрачный тип кавказской наружности, не менее скромно поблескивающий на солнце стеклами старомодного пенсне.

Я подошел к лимузину и предупредительно открыл дверь.

– Илюша, ты теперь кто? – я все же решил уточнить диспозицию.

– Расслабься, Гаврила, – донесся из-за плеча голос напарника, – это Глеб Бокий, почти собственной персоной.

– Точно, – подтвердил Илья-пророк, не выходя из машины. – А в кого прикажете наряжаться? Уж не в Гершеля ли Иегуду? Или в товарища Менжинского?

Кавказский тип, услышав это имя, передернул плечами и дополнил:

– Зарэжю ссюку!

– Кого из них? – спросил Изя.

– А обоих и зарежу, – пояснил кавказский тип уже без акцента.

– Да, – чуть отвлекся Илья-пророк, – знакомьтесь, это Лаврентий Павлович. С вами поедет.

– Тот самый? – решил уточнить Изя. Он же не мог молчать более минуты подряд.

– Почти, – подтвердил бывший Перун. – Из рая забрали в порядке мобилизации. Работа как раз по его профилю. Я, правда, не в курсе, что тут у вас случилось, но вышестоящее командование настоятельно рекомендовало.

Я уже заинтересованно посмотрел на Лаврентия. Изя с таким тоже посмотрели. А чего там смотреть? Невысокого роста интеллигент в пенсне. Ничего из ряда вон выходящего. Лаврентий даже смутился от столь пристального внимания. И попытался что-то объяснить.

– Позвольте сказать, товарищи... Ээээ... Господа... архангелы, так сказать.

– Лаврентий, не суетись, – раздался начальственный голос Ильи-пророка, – я сам тебя представлю. Знакомьтесь еще раз, господа. Это Лаврентий Павлович Берия, мобилизованный от проживания в райских кущах приказом № 315 бис. Он обеспечит вам полное прикрытие со стороны ОГПУ.

– Илюша, а ты точно с дуба не рухнул? Какое ОГПУ в XXI веке?

Илюша задумчиво почесал огненно-рыжую репу и глубо-

комысленно произнес:

– Это ваши проблемы. Мне вообще на них наплевать. Я тут извозчиком подрабатываю по твоей, между прочим, просьбе. Ладно, потом разберетесь со своими проблемами. Поехали.

Когда черный лимузин подъехал к причалу, то часовые, явно не страдающие дефектами зрения, стояли уже по стойке «смирно». Ну еще бы. Я бы тоже вытянулся. Сами представьте, к причалу, единственной достопримечательностью которого являлись несколько чугунных кнехтов, вдруг подкатывает шикарное авто, из которого вылезают, рубиняя петлицами и золотея нарукавными шевронами, такие чины...

Еще бы они не тянулись. Из машины не торопясь вылез сам Глеб Бокий, а за ним еще трое из этой же конторы, но в форме старшего армейского комсостава, звании комбрига, но в фуражках с голубым околышем.

Постовой у причала вытянулся еще больше физиологической нормы, когда увидел представительную депутацию, подкатившую прямо перед ясные очи караула.

– Ефрейтор внутренней службы Фарадей! – с ярко выраженным малоросским акцентом представился бравый усач.

– Вольно, солдат, – скомандовал новоявленный Глеб Бокий.

– Старший солдат, – решил поправить караульный. И пояснил: – Я тут старший. За порядком на причале смотрю.

– Смотрящий, значит? Ну-ну. А почему не по форме? От-

куда погоны? Или тебя пан Пилсудский заслал?

– Но, товарищ комиссар госбезопасности... – жалобно протянул смотрящий. – Нельзя мне никак без погон. Куды ж я буду тогда лычки пришивать? А меня без лычки с армии домой не пустят.

Илья махнул рукой и потребовал предъявить вышестоящее начальство.

– Начальника караула позови, – вальяжно скомандовал Илья.

– Сей момент. – Фарадей принялся бодро накручивать ручку полевого телефона. – Несмотря на внешний вид, аппарат работал исправно, и голос на той стороне провода попросил позвать Илью к телефону.

Наш Перун (не спорьте, я его несколько тысяч лет под этим именем знаю) начальственно взял трубку и пророкотал в нее:

– Бокий слушает... Что?.. Какие полномочия?.. Давайте их сюда.

Изя не преминул влезть со своими комментариями:

– Илюша, а чего они тебе дадут, если им вовсе наоборот, твои полномочия требуются?

На палубу «Челюскина» выскочили, блистая шикарными кожаными регланами, двое штатских и быстро спустились по трапу на причал.

– Отто Юльевич, – укоризненно покачал головой Бокий, – ну какие же вам от меня полномочия требуются? Может, в

качестве мандата пароход одноименный предъявить?

Начальник Главсевморпути товарищ Шмидт на пароход «Глеб Бокий», совершающий регулярные рейсы из Архангельска на Соловки, посмотреть не пожелал.

– Да вы что, товарищ Бокий, какие полномочия, – развел руками Отто Юльевич. – Это Кандыба все. Сейчас пытается с Москвой по радио связаться, инструкции получить.

Ну тут уже и моя очередь вмешаться настала.

– Какие ему, трам-парам, еще инструкции? И почему он не на «Пижме»? Он же там должен быть как начальник охраны. Я сейчас этому Кандыбе такую инструкцию дам, что пешком за своим пароходом побежит. – Решив, что достаточно уже изобразил начальственный гнев, я уже спокойнее произнес: – Впрочем, это к делу не относится. Рад с вами познакомиться, товарищ Шмидт. Я... ээээ, точно, я комбриг Архангельский. Можно попросту, Гавриил Родионович. А это...

– А я комбриг Раевский. – Изя небрежно вскинул руку к фуражке и чуть запнулся, видимо, придумывая себе более благозвучное имя. – Изяслав Родионович.

Илья усмехнулся и пояснил:

– Они братья. По отцу. А это их младший, так сказать, сотрудник, Берия Лаврентий Павлович. Тоже почти родственник. Но уже по матери. Собака звания не имеет. Но находится на довольствии в органах.

– А почему Воронин не встречает? – Блеснул стеклами

пенсне Берия. — Или не уважает товарищей?

— Да вы что, товарищ Берия. Как можно? — вклинился в разговор второй штатский. — Позвольте представиться, секретарь партийной организации «Челюскина» Белецкий Михаил Израилевич и по совместительству старпом вместо заболевшего Гудина. А капитана Кандыба в карцер посадил.

— Зачем? — удивился я. Всякое за свои тыщи лет видел, но чтобы капитана за несколько минут до отплытия арестовывали? Даже Саблина, хотя того и было за что. А тут? — Ладно, разберемся.

И повернулся к Илье.

— Ну что, товарищ Бокий, напророчьте нам счастливого плавания и семь футов под килем.

— Плывите-плывите. Селедок мне там только не подавите. Товарищ Бокий лично пожал каждому руку и пошел к машине. Что же, и нам пора.

— Такса, вперед!

Глава 2

*...Куда мы шли,
В Москву или в Монголию,
Он знать не знал, паскуда.
Я тем более...*

Владимир Высоцкий

Житие от Израила

Уже на борту парохода я обернулся к часовым и остановился. Странности все продолжались. Вот он, борт. Вот трап, по которому я поднялся. Дальше – часовые. А за часовыми нет Мурманска. Ну не так чтобы уж совсем. Вон вижу несколько бараков на берегу. Изба есть старая, покосившаяся. Одна штука. Кранов портовых, правда, три штуки осталось. Но какие-то маленькие, почти не настоящие. А порт где? Люди куда подевались? Ага, вон та кучка с флагами, наверное, нас провожает. Но было же больше.

Незаметно дергаю Гиви за рукав и киваю в сторону берега. Тот бросает мимолетный взгляд за спину и с невозмутимым видом спрашивает у Белецкого:

– А что, Михаил Израилевич, тут всегда так безлюдно? Белецкий с пониманием улыбнулся.

– Ну, у нас тут не Москва. Вот и Отто Юльевич безлюдью

удивлялся. Но нас весь город провожать вышел. Шутка ли сказать, два новейших парохода одновременно отходят. Тут же почти все жители с морем связаны. На причалы ходят, словно москвичи на бульвар.

— Ну что же, — Гиви важно надул щеки, — не будем разочаровывать советский народ. Пусть этот ваш Кандыба выпускает капитана. Товарищ Шмидт, передайте ему мой приказ. А вы, Михаил Израилевич, тут еще и старпом? Так покажите нам нашу каюту. И непременно трехместную. Сами понимаете, секретные документы, то да се. Опять же времена сейчас тревожные, враги пролетариата не дремлют. А втроем вроде как на казарменном положении будем. Надеюсь, вы понимаете, как должны выглядеть казармы для старшего комсостава?

Восхищаюсь я Гаврилой в такие моменты. Какой талантище. Сталь во взгляде, гранит в голосе. Но и я молчать не намерен. Кем мне тут покомандовать? О, вот они, родимые. Может, оставить этого ефрейтора в порту? А потом его за дезертирство шлепнут. Да хрен с ним, пусть едет с нами.

— Так, товарищи красноармейцы, караул на сегодня заканчиваем. Живо на борт. Разводящего дожидаться не будем. И телефон не забудьте. Потом его в музей сдадим. И, кстати, товарищ Фарадей, где ваши погоны?

— Шутите, товарищ комбриг? — расплылся в довольной улыбке красноармеец. — Мы не для того с проклятым гнетом кровавого царизма боролись, чтобы пережитки прошлого на

плечах носить.

Мне осталось только тяжело вздохнуть в ответ на мини-политинформацию и отправиться с Белецким искать трехместную каюту. Только все-таки почему этот красноармеец на причале был ефрейтором с погонами?

Житие от Гавриила

Изя чуть ли не с разбегу плюхнулся на койку возле иллюминатора, заняв тем самым лучшее место в каюте. И мотивировал эту беспардонную наглость тем, что у него самый чуткий сон, а потому враг, попытавшийся залезть в иллюминатор, будет немедленно обезврежен. Невозмутимый старпом с пониманием отнесся к требованиям безопасности и показал, как этот иллюминатор открывать на случай, если придется выбрасывать за борт труп капиталистического диверсанта-террориста. Ушел Белецкий, предварительно заверив, что через полчаса товарищей командиров будет дожидаться легкий завтрак в кают-компании.

Я тем временем пытался связаться с базой. Телепатия, она же мыслесвязь, она же «глас Божий», в полярных широтах не работает. Что-то там связано с проходимостью и ионосферой. Сотовый телефон по традиции показывал отсутствие сети, а применение нимба как средства экстренной связи означало «Вызываю огонь на себя». А вот этого бы не хотелось.

Лаврентий Павлович, сидя на койке, одной рукой что-то пытался достать из своего объемистого чемодана. Другой же чесал за ухом моего такса. А Изя, уже удобно развалился, закинул руки за голову и спросил:

— Что, нет связи? А Кандыба наверняка по рации с Москвой связался. Точно вам говорю, в прошлое мы попали.

– Наукой перемещения во времени не подтверждены.

– Какая наука, Палыч? – Изя повернул голову к Берии. – Наука и твое теперешнее существование объяснить не сможет. Нету тебя, Лаврентий. Нету.

– А вот в мою жизнь пусть наука не лезет, – нахмурился Берия. – А если больше заняться нечем, так я найду.

– Приземленные вы личности, товарищи комбриги. Нет в вас романтики. А вот представьте... Мы – настоящие попаданцы!

– Куда ты попаданец?

– Так в прошлое же! Нет, вы представьте, каких мы тут дел можем наворотить!

– Ну и каких же?

– Ну, что я, книжек не читал? Да я даже на форуме альтернативной истории зарегистрирован. – Изя привстал, выставил перед собой руку и принялся по очереди загибать пальцы. – Во-первых, по традиции мы должны научить аборигенов прогрессивному сексу.

– Это без меня, – сразу вскинулся Берия, – я человек пожилой, консервативный. И все больше по старинке предпочитаю, без новомодных штучек. Вот Карл Маркс был человек прогрессивный, а что получилось? Товарищу Энгельсу потом подарки на Восьмое марта дарил.

– Да я ничего такого и не подразумевал. – Изя в оправдание даже руками замахал. – Ладно, но во-вторых, нам надо обязательно изобрести порох, отлить пушки, построить са-

могонный аппарат и вселиться в тело Николая второго.

– Изя, ты совсем дурак? – спросил я сквозь смех. – Если сейчас точно тридцать третий год, то кому нужны твой порох и пушки? Не говоря уже о самогонном аппарате. А про Николая второго что скажу, ты что, бес, чтобы в людей вселяться? Нам не положено.

Я тоже прилег на кровать и достал сигарету. Но закурить помешал все тот же Изя.

– Гиви, ну что ты делаешь? Мы же настоящие попаданцы. И потому ты должен сигарету не спеша понюхать, соблюдая положенный ритуал, а уже потом прикурить от длинной спички и со вкусом затянуться.

– Со вкусом чего?

– Не знаю. Да и какая разница? Главное – со вкусом.

– Изя, это было написано про сигары. Даже могу сказать где и на какой странице.

– Сигары? – переспросил Изя. – Нас не поймут. Сигары слишком вызывающе и буржуазно. А мы, как красные командиры... Постойте, так мы что, не будем делать развилку истории? Я знаю ближайшую.

– Какую?

– Ну хотя бы «Варяг»...

– «Варяг» не трогай. Его в хороши руки отдали. Без тебя справятся. Да и как ты туда попадешь? У них там сейчас свой параллельный мир, и пересечься у нас не получится.

– Но сюда-то мы попали. Так, значит, и татаро-монголов

не получится победить? А жалко. Но зато у Лаврентия ноутбук есть.

– А ты откуда знаешь, товарищ Раевский? – подозрительно прищурился Берия.

– Так у тебя же чемодан открытый. А зачем тебе ноутбук, Лаврентий Павлович? Или ты знал, что мы в прошлое попадем? Заранее готовился к прогрессорству? Может, там у тебя и эскиз атомной бомбы есть?

– Не говорите ерунды, Изя. То есть Изяслав Родионович. У меня действительно в ноутбуке есть много чего интересного. Да что там говорить, у меня там все есть. Но нужен он мне для совершенно других целей. – Берия поправил пенсне (наверное, оно мешало говорить). – Я пишу диссертацию, и мне просто необходимо иметь при себе кучу документов. Не таскать же с собой сотню чемоданов с бумагами.

– Ага, диссертация. – Изя радостно потирал руки. – Я знал, что товарищ Сталин был прав, называя тебя гнилым интеллигентом. А зачем вам, товарищ Берия, диссертация?

– Для повышения квалификации. Сейчас я просто один из новомучеников, на земле русской воссиявших. А сдам кандидатский минимум, то могут и к великомученикам причислить. А это Божьей благодати уже вдвое против прежнего. Тем более – подготовительная работа уже ведется. Да на любой сайт фантастики можете заглянуть, – ответил Лаврентий Павлович.

– Я так и думал, – Изя ханжески возвел взгляд к небу, –

даже в раю меркантильные интересы. А вот скажи, Лаврентий...

Закончить вопрос Изя не успел, так как в дверь вежливо постучали. В коридоре с несколько растерянным видом стоял Шмидт.

– Что, уже завтрак готов? А почему до сих пор у причала стоим?

– Извините, Гавриил Родионович, – замялся Шмидт, – но капитан Воронин заперся в карцере изнутри и выходить отказывается.

– И чем товарищ Воронин объясняет свой отказ?

– А непечатными словами и объясняет. Вы бы поговорили с ним, Гавриил Родионович. Прикажите, в конце концов. Владимир Иванович дисциплину понимает, он еще в германскую на «Савватии» торпедирован был. Человек-то почти военный.

– Разберемся. Товарищи, пойдемте. Такс, остаешься на посту. В случае постороннего проникновения кусать на поражение. И еще, Отто Юльевич, пусть тогда старпом командует.

Ох и нелегкая это работа – вытаскивать упрямого капитана, забаррикадировавшегося на продуктовом складе.

– Не поведу я это корыто никуда, и не надейтесь, – доносились из-за запертой двери.

– А кто же тогда?

– Вот Шмидт пусть и рулит. – Воронин замолчал на ми-

нутку, после которой послышался шумный выдох и довольное кряканье. — Он мне эту калошу сосватал, вот пусть и разгребается сам.

— Какая же калоша? — не выдержал Шмидт. — Завтра только два месяца, как на воду спустили.

— Сам дурак. — за переборкой что-то звякнуло. — Надо было не на воду, а под воду спускать. Как в унитазе. Мы же чуть не утонули, пока из Ленинграда в Копенгаген шли. Ни хрена твой ботик волну не держит. Так это еще в Балтике. А выйди на нем куда посерьезнее, так пойдет на дно за милую душу. Вместе с патефоном и портретом Веры Холодной.

— Да что вы такое говорите, Владимир Иванович? — похоже, возмущение Шмидта было искренним. — Мы заходили на верфи, и инженеры «Бурмейстера и Вэйна» заверили в полной готовности корабля к дальним походам.

— Кого ты тут лечишь, Юльич? Ты бы так могилевского ребе в детстве обманывал. Вот попробуй объяснить теперь товарищам чекистам, почему это тебе вместо нормального корабля одноразовое изделие подсунули. Два месяца пароходу, а уже машины ремонтировали.

— Какого еще ребе? — повысил голос начальник Севморпути. — Я, между прочим, наполовину немец.

— На которую половину? — засмеялся Воронин. — Если ты могилевский немец, то я — поморский эфиоп.

Я подошел ближе и постучал в переборку.

— Владимир Иванович, я комбриг Архангельский. Может,

пустите меня к себе? Посидим, поговорим. Объясните, наконец, что в «Челюскине» не так.

– Нет, – откликнулся капитан, – не пушу. Я вам сейчас открою, так навалитесь всей гурьбой и в психушку сдадите, пока от берега не отошли.

– Владимир Иванович, даю честное слово красного командира, что войду только я один.

– Ладно, но только один. В старые-то времена офицеры слово-то держали. – За переборкой громко звякнули задрайки, и дверь чуть приоткрылась, оставив проем, в который я протиснулся только боком.

Хорошо устроился капитан. На бочке с селедкой была постелена газета и разложена неплохая закуска. Богато снабжает страна победившего пролетариата своих первопроходцев. А над всем этим богатством и разнообразием мешков, коробок и ящиков витал вкусный, луково-шоколадный аромат.

За спиной послышалось вежливое покашливание, и я отвлекся от осмотра продуктовых запасов «Челюскина». Перед мной стоял среднего роста крепкий моряк в черной форме и фуражке с крабом. На загорелом худощавом лице воинственно торчали шикарные усы. Правда, впечатление воинственности скрадывалось застрявшими в этих усах хлебными крошками. Воронин протянул мне правую руку, а левой показал в сторону «стола»:

– Перекусить по рюмочке не желаете?

– Здравствуйте, Владимир Иванович. Я и есть Архангель-

ский. Можно просто Гавриилом Родионовичем называть.

Поздоровавшись, я сел на какой-то мешок с крупой и улыбнулся Воронину.

– Так вот вы какой, капитан, обветренный, как скалы.

– Да вы поэт, товарищ Архангельский, – ответно улыбнулся капитан. – В молодости все мы поэты. Вам вот сколько лет?

Вот спросил! Мне это и самому интересно. Тысячелетия до сотворения мира считать? Я, правда, их плохо помню, только десятка два последних. Когда же у нас сотворение мира было? Вот опять память подводит. Помните, тогда еще русы первый раз всю Евразию завоевали. Нет, ну, может, она тогда и вообще без названия была, не спорю. Потом года три партизан отлавливали. Да, точно, а на четвертый год мир и сотворился.

– Да немало мне уже лет, Владимир Иванович, просто выгляжу моложе, – пришлось просто отшутиться.

– Ну, я все же постарше буду. Пятый десяток давно пошел. Старые кости к непогоде ноют. Куда уж мне на севера. – Капитан протянул руку за спину и достал бутылку, от одного вида которой меня слегка замутило. – По капельке, командир?

– Только не коньяк, Иваныч. Пивка если только. А то мое пиво комбриг Раевский выпил.

– Это он зря, товарищ комбриг. Пиво на северах весьма редкий продукт. Потому как замерзает. Вот спирту могу

предложить.

– Пожалуй, воздержусь.

– Это вы зря. А впрочем... Вот, помнится, в двадцать четвертом году к нам доктор один приехал. С Крыма, с Черного моря перевели. Так он зарок себе дал ни капли спиртного до захода солнца. Представляете? В полярный день почти полгода ходит трезвый и злой, а зимой не просыхает, клистир с градусником путает. Так и умом помутился. Вообразил себя японцем и по кораблю в черном исподнем бегал. Иногда даже и по стенам. Что вы смеетесь, товарищ комбриг? Он до сих пор в Каргополе, в тамошней психиатрической.

– Верю я вам, Владимир Иванович, – я с трудом отсмеялся, – только вот одно мне скажите, это точно не заразное, что у доктора было?

– На что вы намекаете? – поперхнулся своим коньяком Воронин.

– Я разве намекаю? Просто спрашиваю. Да вы и сами попробуйте рассудить логически. Вот вы прибываете на судно, на котором вам надлежит отправиться в поход, и с удивлением узнаете, что капитан заперся на продуктовом складе, пьет и на все предложения отзывается непечатными словами в адрес своего корабля. И от капитанства своего категорически отказывается.

Воронин долго не отвечал, делая вид, что занят набиванием трубки. Я не отвлекал, давая собраться с мыслями для ответа.

– Нет, Гавриил Родионович, это вы подумайте, может ли быть в своем уме капитан, которого попросили только перегнать обычное грузовое судно из Ленинграда в Мурманск, если он согласится пойти на нем в высокие широты осенью. А судно-то не только не предназначено к таким плаваниям, но и в Балтике на нем ходить опасно. Я уже говорил – волну не держит. Широковат. И машины говенные. Эту посудину только по Волге гонять, да и то только до Подновья. Дальше на Телячьем брое застрянет. – Капитан вспомнил про почти погасшую трубку и опять замолчал, сосредоточенно затягиваясь.

В этот момент он мне показался похожим на свой пароход. Тоже весь в черном и с клубами дыма из трубы. Но, судя по первому впечатлению, капитан был покрепче своего корабля. «Челюскин» и правда заходил в Копенгаген для ремонта судовых машин и кое-каких мелких доделок.

– И в конце концов, – продолжил Воронин, – меня Шмидт просил только довести «Челюскин» до Мурманска, клятвенно обещая потом на собственные деньги купить билет на поезд до Ленинграда. Целый месяц письмами долбил, уговаривая. А когда я отказался вести пароход дальше, ко мне пришел этот ваш мордоворот Кандыба и посадил меня в кутузку.

– Это совсем не мой мордоворот, Владимир Иванович. Тем более я его еще в глаза не видел. И, согласитесь, кутузка ваша хоть и не комфортабельна...

– Зато питья и закуски много, – перебил меня капитан. –

Вот это меня и беспокоило. Точнее не это, а абсолютное отсутствие гальюна. Паршивого иллюминатора, и того нет. Согласитесь, нехорошо бы получилось.

– Совсем бы нехорошо получилось, Владимир Иванович, если бы Кандыба вас арестовал, усмотрев вредительство, саботаж и контрреволюционную пропаганду в виде охаивания нового парохода, купленного распоряжением мудрого советского правительства по прямому указанию товарища Сталина. Вот так-то вот.

– А вы, Гавриил Родионович?

– Что я? Я мог и не приехать.

– У меня есть варианты?

– Помилуйте, товарищ Воронин, у вас даже нет варианта сесть на нары. Потому как мне срочно необходим капитан на мостике «Челюскина». Или, вы думаете, Белецкий справится?

– Этот мотольский портной? Не смешите селедок, товарищ комбриг. Это когда же партийные работники рулить умели? – Капитан с показным кряхтением поднялся со своего мешка. – Так куда держим курс?

– На Северный полюс.

– Чево-о-о?

Глава 3

*Вывели болезного. Руки ему за спину
И с размаху кинули в черный воронок.
Владимир Высоцкий*

Боцман Заморский уже две недели пребывал в черной меланхолии. Виновники этого недуга, те самые штатские из экспедиции, старались не попадаться на глаза, чувствуя за собой вину. И не только вину. Да что вину, если с точки зрения просоленного моремана совершались форменные преступления. Кинооператор, прикрываясь московскими связями, кощунственно разбрасывал папиросные бычки в мыслимых и немыслимых местах с такой скоростью, что пять судовых уборщиц не успевали их перехватывать. А недавно прожег новую форменную фуражку, подаренную боцману женой на серебряную свадьбу, невзначай уронив окурок на голову проходившего под трапом Заморского.

А зоолог? Ну, понятно, что уход за ездовыми собаками ему попросту навязали. Но этот очкастый товарищ за ними не только не ухаживает, но и не присматривает. Привык, понимаете, что у него подопытные морские свинки в клетках сидят. А собаки по всему судну бегают и гадят больше кинооператора. Да куда там оператору, больше чаек гадят. А убирать кому, зоологу? Как бы не так. Он отказывается опозна-

вать какашки на палубе как собачьи и, ссылаясь на свой научный авторитет, сваливает все на мышей. Разве мыши могут навалить такую кучу? Это же сколько им скушать надо?

Геологи тоже не лучше. Пока шли неделю от Копенгагена, они при испытании новой переносной буровой установки умудрились продырявить палубу в двух местах. Так это насквозь. А сколько просто лунок сделали?

Ботман осторожно переступил через очередной зоологический подарок и нос к носу столкнулся со старшим радистом. Тот лихо скатился по поручню, балансируя руками. В зубах старшего радиста была зажата папироса, к которой Заморский отнесся совершенно равнодушно. Этот не бросит окурочек на палубу. Немецкое происхождение не позволит. Да и полярник уже бывалый. Не какая-то сухопутная шушера.

– Чего какой смурной, Сан Саныч? Посмотри, погоды-то какие стоят! Даст бог льдов не будет, так к половине сентября во Владивостоке ошвартуемся.

– Сплюнь, Теодорыч. Да не на палубу, просто за борт сплюнь.

Надо сказать, что старшего радиста, несмотря на молодость, все старались называть просто по отчеству. Если «товарищ Кренкель» еще можно было выговорить, то произнести «Эрнст Теодорович Кренкель» с первого раза получалось только у начальника экспедиции Отто Юльевича Шмидта.

– Я ведь к тебе, Сан Саныч. – Кренкель ожидаемо выбро-

сил докуренную папиросу в ведро с водой. – Спирт нужен.
– Зачем?

– Странный вопрос. Конечно же, аппаратуру протирать, – пояснил радист. – Помнишь, в Баренцевом море южный ветер дул?

– Ну, – подтвердил Заморский.

– Вот с Норвегии пыли в радиостанцию и надуло. Профилактику надо делать.

– Так я помогу. Бутылки спирта хватит? – уточнил боцман.

Кренкель задумчиво помолчал, видимо, прикидывая количество аппаратуры, нуждающейся в профилактике.

– Ну, если вдвоем протирать, то, пожалуй, хватит. И еще, Саныч, огурцов соленых прихвати.

Радио и радистов Заморский уважал еще с германской, когда служил на одном из номерных миноносцев. Тогда их 012 выскочил из тумана прямо под главный калибр двух немецких крейсеров и, изрядно потрепанный при маневре удирания, удачно радировал в Мемель и дождался помощи. Радиостанция, пробитая осколком во время боя, была починена чуть ли не при помощи запчастей от граммофона. Радиста потом всей командой неделю водили по кабакам, и сам лейтенант Подольский возглавил штурм полицейского участка, куда бестолковые стражи порядка уволокли не стоявшего на ногах героя. И поговаривали, что на своей свадьбе уже капитан-лейтенант Подольский заключил с будущей же-

ной дополнительное соглашение, по которому все их потомки будут в обязательном порядке изучать радиodelo.

– Ты в радиорубке будешь? – спросил Заморский у Кренкеля. – Я минут через десять подойду.

Кренкель смущенно развел руками.

– Да меня Кандыба из радиорубки выгнал. У него срочное донесение в Москву.

– Ну ты бы и передал.

– Так сообщение особо секретное. При посторонних не положено.

– И как он с телеграфным ключом управляется?

– А никак, – злорадно ухмыльнулся старший радист. – Орет в наушники, как в телефонную трубку, да еще удивляется, когда ему никто не отвечает.

– Чего хоть орет-то?

– Пока только позывные. Ну да с его голосом до Архангельска разве что докричишься. Слабоват голосок.

Боцман и старший радист согласно кивнули, осуждая надоевшего всем за две недели Кандыбу. Достал, постылый.

– Может, на камбуз заглянем? – предложил Заморский. – Заодно поедим по-человечески. А то завтрак, похоже, задерживается.

– А чего случилось? – спросил Кренкель уже на пороге боцманской каюты.

Боцман вошел в каюту, заглянул во вместительный шкафчик, довольно улыбнулся и вышел к радисту уже с узнаваемо

оттопыривающимся карманом форменного кителя.

– Так ты не видел, Теодорыч? Шишки большие из Москвы приехали. Аж три штуки. Вот из-за них и выход задержали. И завтрак. Говорят, капитан обнаружил вредительство на продуктовом складе. Сейчас со старшим чекистом заперлись там и все пересчитывают. Ладно, еще холодильники не успели опечатать. Кок на камбуз свиную тушу протащил.

Классического вида кок, румяный и пузатый, в колпаке набекрень и белой куртке поверх тельняшки, виртуозно работая ножом, отхватил от туши изрядный кусок филея и шлепнул его на стол.

– Да вы располагайтесь, товарищи. – кок гостеприимно протер свободный угол стола. – А я вам сейчас отбивные соображу. А стаканы на полочке.

В ожидании отбивных профилактика была произведена почти наполовину, когда боцман спохватился:

– Батюшки, а хозяину-то?

– Нет, – отказался кок. – Только после ужина. Да ты не беспокойся, Саныч. Нешто трезвый останусь? Вот, даже свинья подтвердит.

Свинья лежала на разделочном столе, посмертно прищурив маленькие глазки, и кривила морду, высунув длинный язык. Подтверждать что-то она не собиралась. Да и кому интересно молчание свиней? Разве что старшему радисту.

Кренкель задумчиво вертел в руке пустой стакан и поглядывал на тушу. Потом наклонился к уху боцмана и что-

то ему зашептал. Лицо Заморского расплылось в улыбке. Сдвинув фуражку почти на нос, он почесал затылок и уже во весь голос рассмеялся.

– Максим Петрович, а подари-ка ты нам свиную башку.

– Зачем она вам? – удивился кок.

– Да, понимаешь, – пустился в объяснения боцман. – Вот Теодорыч видел, что один из московских шишек с собой собаку прихватил. Охотничью. Ох и породистая, наверное. Хотим вот подмазаться к начальству.

– Собака-то большая? – заинтересовался кок.

– Здоровенная, – подтвердил Кренкель. – Как раз аппетита на целую голову хватит.

– А, ладно, забирайте. Но вы уж скажите товарищу из Москвы, что я тоже о собачке беспокоюсь.

– Да не вопрос, Максим Петрович. – Кренкель взял с полки мешок, бросил туда голову и покинул камбуз. Заморский сунул в карман недопроведенную профилактику и, плотоядно улыбаясь, вышел следом.

– Крепче, крепче привязывай.

– Да куда тут привяжешь? У нее уши скользкие.

– Салабон ты еще, Теодорыч. – боцман достал из кармана моток толстой лески. – Держи. И крючки возьми. А не то веревку сразу разглядит.

– Ничего он там не увидит, – убежденно ответил Кренкель, цепляя свиные уши крючками. – На камбалу пригото-

вил крючки?

– Тебе какая разница? Поднимай. Да не раскачивай ты так! Промахнемся.

Боцман и радист приподняли свиную башку над леерами, и она плавно заскользила вниз, изредка чиркая пяточком по борту. Несмотря на заявленный режим строгой секретности, иллюминатор радиорубки, из которого доносились громкие крики «Москва, Москва, товарищ Первый, вы меня слышите?», был открыт. Злоумышленники подвели башку к цели и, чуть качнув, затолкнули свиную морду в иллюминатор.

Житие от Израила

Чтобы не скучать в ожидании Гавриила, наверняка пьющего с капитаном что-то горячительное, я предложил Берии прогуляться по «Челюскину». Я остановил Шмидта, пытавшегося нас сопровождать, и мы неторопливым шагом вышли на палубу.

– Присядем? – Я показал рукой в сторону нагромождения всевозможных ящиков.

Берия согласно кивнул головой и пошел вперед, выискивая укромный и, главное, непродуваемый уголок. Вот он расположился на ящике и внимательно прищурил глаза, ожидая начала разговора. Только я сначала закурил, полюбовался искорками на надраенных сапогах, собираясь с мыслями, и только потом спросил:

– Что ты думаешь об этом, Лаврентий Палыч?

– О капитане? Или вообще? – уточнил Берия.

– Да что о капитане говорить. Сейчас укушают с Гиви пару бутылок, и пойдет твой капитан к себе на мостик. Или в рубку, как это моряки называют? В общем, к себе пойдет. А что о нас скажешь? О ситуации?

– Непонятная у нас ситуация, – вздохнул Лаврентий Павлович. – Непонятная и оттого весьма прискорбная.

– Чего тут прискорбного? – я позволил себе слегка возмутиться. – Разве мало попаданцев по мирам шастает?

– Мало, Изяслав Родионович. На самом деле мало. Можно даже по пальцам пересчитать. Уж извини, но ты просто всей информацией не владеешь. Вы с Гавриилом Родионовичем все больше по боевым действиям специализируетесь да еще географические открытия курируете. Я же до сих пор боец невидимого фронта.

– Ну, скорее, генерал. А что там с попаданцами?

– Абсолютное большинство попаданцев оказываются в так называемых халявниках.

– Интересное название.

– Это искусственные миры, создаваемые нашим вероятным противником, на основе считанной с мозга жертвы информации, – пояснил Берия. – Сами по себе они не долговечны, но способны поддерживать свое существование за счет попавшего туда человека. Но не физической его составляющей, а постепенно поедает то, что в просторечии называют душой. И для удержания человека там – дают ему все. Именно все. Читал мемуары этих походов между мирами?

– Еще бы! – я кивнул в подтверждение. – Мое любимое чтение.

– Вот-вот. И ни разу не задумывался, почему им там дается все и сразу? В одной книге – барон. В другой – маркиз или герцог. В третьей, минуя королевское звание, сразу в императоры лезет. Но это еще не все. Колдуны, ведьмы, вампиры, оборотни и прочие маги в наличии имеются? Сколько угодно. Прямо толпами бегают и в академиях обучаются всене-

пременно.

– Не может быть, – не поверил я Лаврентию. – Какие же должны быть затраты энергии на создание стольких миров?

– Минимальные. Укол ЛСД мелкому бесу, и его глюки проецируются на абсолютную Пустоту.

– И она терпит?

– А ей по фигу. Она настолько самодостаточна, что просто не обращает внимания на мелкую суету

– Но это же родина его. – Я показал пальцем вверх, давая понять, чья же именно это родина.

– Тем более. Что ей после этого бесовский бред.

– А как же бессмертие? Ведь чуть ли не каждому дается.

– Бред, – отмахнулся Лаврентий. – Наукой не подтверждено.

– Опять ты про свою науку. А кто недавно утверждал, что путешествия между мирами невозможны?

– И сейчас могу это повторить.

– А «Варяг-победитель»?

– Там другой случай. Нам пришлось в срочном порядке создавать мир, аналогичный нашему, в параллельном пространстве. Иначе совокупная энергия всех, желающих переиграть русско-японскую войну, могла привести к одновременному взрыву всех Японских островов и последующему их затоплению. Но там ребята путевку в один конец получили. Без всякого шастанья по мирам. Обратный переход намертво перекрыт, во избежание... Да, во избежание!

Ух ты! Дела-то какие творятся. А я и не в курсе. Упущение, однако.

– А ты, Лаврентий, японцев пожалел? – укорил я товарища Берия.

Он в ответ сначала сурово глянул исподлобья.

– Я не думаю, что параллельный вариант покажется им лучшей альтернативой. А японцев я не больше твоего люблю. Знаешь, сколько японских шпионов я разоблачил?

– Тебе их назвать поименно? Ты лучше расскажи, чего тебе в нашем засланстве, пардон, попаданстве, не понравилось? Это тоже происки обкурившихся бесов?

– Не думаю. – Берия с сомнением покачал головой. – Не их уровень. Просто сил не хватит двух архангелов и одного... хм, райского сотрудника так заморочить. Это настоящее прошлое.

– Параллельное?

– Ну, с нашим появлением здесь оно в любом случае становится параллельным. Закон Кубикуса в действии. Дословно он гласит: «...Если вы попали в прошлое вместо параллельного мира, – не отчаивайтесь. Оставайтесь в живых первые пятнадцать минут и... творите свою историю...»

– Мы, пожалуй, натворим. Ты признайся, Лаврентий, вашей конторки уши из-за всего этого выглядывают?

– Нет, – сокрушенно помотал головой товарищ Берия, – если бы наши, я бы точно знал. Подготовительная работа должна начинаться минимум за полгода. Тут явно кто-то из

начальства руку приложил.

Я с большим подозрением поглядел на собеседника.

– А как же вы с Ильей, ничего не зная, уже в соответствующей форме прибыли? И какими судьбами тебя вообще к нам принесло?

– Точно тебе говорю, не знал я ничего. Мы как из-за угла глянули, так и ох... удивились очень, – пояснил Лаврентий Павлович. – Меня Александр Христофорович попросил с Ильей поехать.

– Бенкендорф?

– Он самый. Во время твоего звонка мы как раз втроем обсуждали возможность крещения в православную веру антарктических пингвинов.

– Господи, пингины-то вам зачем?

– Забыл? Твоя же идея. Ты это еще Беллинсгаузену предлагал. Сам предложил расширить российскую зону влияния.

Вот про свои предложения я и не помню. Вот обмывание свежесоткрытого материка – отлично помню. Первые два часа. Но об этом лучше умолчим. Но меня интересует еще один вопрос.

– А что ты знаешь про «Пижму», Лаврентий?

– Там и знать-то нечего. Мало я в свое время газетных писак пересажал. Читал я эти статьи, Изяслав Родионович. Бред полнейший.

– Могу тебя порадовать, товарищ Берия, этот самый бред вышел в море два часа назад

– Не может быть!

– Я тебе что, врать буду? Вот только начальник конвоя «Пижмы», товарищ Кандыба, задержался у нас на «Челюскине».

– То-то мне фамилия знакомой показалась, – оживился Лаврентий Павлович. – Помнится, году в тридцать шестом его к стенке поставили. За расстрел чукотских шаманов в поселке Депутатский. Слушай, Изя, Кандыбу нужно срочно валить при попытке к бегству. Не дай бог до радио доберется и с Москвой поговорит. Представляешь, что ему скажут про прибывшее на корабль начальство?

– Плевать, – не согласился я с Лаврентием. – Скажем, что присланы лично товарищем Сталиным.

– Угу. И нужные бумаги в архивах появятся.

– Связи с базой нет. А то бы все документы лежали уже на нужных полках. Так что про связь твоя наука знает?

– Только подтверждает мою теорию. В этом мире наших нет. Нас невозможно скопировать.

– А как же Илья?

– А что Илья? Он довез нас до границы, а сам благополучно остался.

– Рожу бы разбить твоему Илье. – я даже мечтательно зажмурился, представляя процесс.

Но помечтать долго не пришлось. Откуда-то из глубины корабля раздался пронзительный, доходящий до ультразвука, визг, а потом глухо стукнуло несколько выстрелов. Двое

моряков, до этого копошившиеся на палубе, что-то засунули в мешок и бегом исчезли из поля зрения.

– «Маузер» стрелял, – профессионально определил Лаврентий. – Посмотрим, что там случилось?

– Придется пойти. Все равно нам разбираться придется.

В узком коридорчике плотная толпа окружила коротышку, одетого в военную форму со знаками различия старшего майора на гимнастерке. Да, Лаврентий был прав, в дрожащих руках коротышки был «маузер», которым он пытался перекреститься, постоянно попадая себе по лбу. Лоб сопротивлялся вторжению постороннего предмета и в знак протеста увеличился на одну, но громадную шишку.

Кандыба, а это был именно он, при виде высокого начальства попытался что-то объяснить заикающимся голосом и не оставляя крестообразных движений «маузером». Но не смог произнести ни одного внятного слова. Ближайший ко мне штатский, видимо, знавший корабельного чекиста поболее моего, вызвался побыть переводчиком.

– Он это... товарищ командир, говорит, что черта видел.

– Какого? Где?

– В радиорубке.

Расталкивая народ, к нам пробрался старший радист, излучавший явное ехидство.

– Товарищ Решетников, – обратился он к «переводчику», – как художник, тем более советский художник, ты должен знать, что чертей не существует. Их выдумали попы для

одурманивания рабочего класса. И решительно заявляю о невозможности появления чертей в моей радиорубке.

– Я-то при чем? – пожал плечами художник. – Это вот он видел.

Кандыба потихоньку приходил в себя. Во всяком случае, креститься перестал. Но начал оправдываться тонким голосом:

– Я на самом деле его видел. В иллюминатор лез. Нос пятачком, морда толстая и язык показывает. А в ушах серьги в виде больших рыболовных крючков. Это, наверное, морской черт. Я в него три раза попал, а он все ухмыляется и язык показывает.

Берия придвинулся к Кренкелю и негромко спросил:

– Пил?

– Кто, я? – уточнил старший радист, стараясь дышать в сторону.

– При чем здесь вы? – рассердился Лаврентий. – Кандыба много пил?

– Да совсем не пил. Это же Кандыба. Кто ему нальет?

– А за свой счет?

Такая постановка вопроса явно поставила Кренкеля в тупик.

– Как за свой счет? Это же Кандыба!

– Все ясно, – выдал заключение товарищ Берия, – помешательство ума на почве хронической трезвости. А ты что по этому поводу думаешь, товарищ Раевский?

С ответом я не торопился, так как в мою светлую голову пришла мысль. Я развернулся к корабельному особисту и на мгновение, только для него одного, предстал без маскировки. Как был, с крыльями за спиной и нимбом над головой. Бедняга упал на колени и пополз в мою сторону, возобновив перекрещивание «маузером».

– Ваше Сиятельство, я знал что Вы есть! И черти есть. А они в них не верят. Скажите им, Ваше Сиятельство.

Я обернулся к Кренкелю.

– Эрнст Теодорович, срочно в рубку. Радируйте в порт, пусть срочно присылают санитаров. У товарища Кандыбы помешательство. Видите, он принимает меня за генерала Раевского, героя войны 1812 года. Да, товарищи, отберите, наконец, у него оружие. – И уже чуть слышно Лаврентию: – А ты говорил, валить, валить...

Глава 4

*Я весь мир исколесила, только ночью синей
Мне нигде так не скучалось, как в России.
Владимир Асмоллов*

Житие от Гавриила

Что сказать? Плавание наше все-таки началось. Капитан занял свое законное место у штурвала, или как там оно называется, и приказал отдать швартовы. Интересно, кстати, какая сволочь взяла у Воронина швартовы? А потом началась скука. Хоть вой на пару с таксом, что он с удовольствием проделывал, дождавшись, пока побольше народу ляжет спать.

Помнится, в бытность мою декабристом, а послан я был в Северное общество для недопущения участия Пушкина в сем сомнительном предприятии, написал я как-то рассказ об удовольствиях на море. Но то скорее было писано для произведения впечатления на дам, вздыхающих до обморока и роняющих слезы на ландыши. М-да... Пришлось потом на селенгинскую каторгу соглашаться, избегая настойчивых домогательств особо впечатленных барышень. Правда, и выбора у меня тогда не было. Закатали меня по второму разряду

на пожизненное. А за особую умственность, когда по случаю собственной коронации Коля номер Первый всем сроки до пятнашки скостил, меня из списков на амнистию собственноручно вычеркнул.

Да, но в те патриархальные времена и корабли были совсем другие. Сейчас что? Накушалась калоша угля и прет себе по мелкой волне спокойно, важно и чинно. Как траурный лафет на генеральских похоронах. А где же, спрашиваю, романтика? Где мачты, которые превосходят высочайшие деревья? Где паруса, невидимые, будучи подобранными, и ужасные величиною, когда корабль взмахнет ими невиданной птицей? И где, я вас спрашиваю, пушки в каждой каюте, в которые так удобно прячется дюжина цимлянского?

А люди какие были? Нынче разве что Воронин близко с ними стоит. С десяти лет определяли судьбу свою, с младых ногтей проводя навигации на качающейся под ногами палубе. Попались бы те люди Маяковскому, вот бы гвоздей наделал. Или из него бы сделали, что скорее всего. Кто говорит, что это из Тихонова цитата? Это который Штирлица играл? Тоже на скобяные изделия пойдет. Ибо суровые будни морские закаляют тело и душу, но не ожесточают их только супротив товарищей своих. Так и делят время в плавании между службой и дружбой. У нас тогда, со времени основания флота, дуэлей между флотскими не было ни одной. Сухопутных же, особенно штабных и лейб-гвардиозусов, дырявили с превеликим удовольствием. Пистолетом или шпагою,

но изрядно проредили мы гарнизоны городов приморских.

Будучи в те поры офицером флота, побороздил я моря наши и чуждые достаточно. Гаага, Нант, Брест. А пребывая в пределах туманного Альбиона, стал невольно причиной расцвета поэтического таланта Байрона, ставившего Океан выше человека. Результатом дуэли нашей стал мой неловкий выстрел, после которого лорд совершенно перестал интересоваться женщинами и посвятил все время свое творчеству.

Да... было время счастливое. А что сейчас мне остается? Смотреть на такса, облаивающего с высокого борта качающихся на волне тюленей и иногда оборачивающегося на меня с укоризною, безмолвно обвиняя в отсутствии обещанных белых медведей. Вот гадство, опять я высоким штилем изъясняться изволил. Тьфу!

Я сидел и предавался скуке, изредка постреливая в чаек из презентованной боцманом тозовской мелкашки. Слабое утешение для такса, уже настроившегося на медвежью охоту. А что еще делать? И я стрелял. Достойное занятие для архангела, разработавшего метод ковровых бомбардировок и успешно применившего его еще в библейские времена. Вот тоже времена были нескучные. Но об этом лучше с Изей поговорить.

Мягкие шаги за спиной я услышал издалека и, узнав походку Берии, повернулся к нему.

– Что ты подкрадываешься, Лаврентий Павлович? Как злой чечен на берег Терека. Тоже зарезать хочешь?

– Зачем? – невозмутимо ответил Лаврентий.

– Ну, не знаю. Может, должность мою занять захотел.

– Угу, – кивнул Берия, – синекуру нашел. Мне и на своем месте хорошо. Опять же – диссертация у меня. А ты развлекаешься, Гавриил Родионович?

– Да какие тут развлечения. Видишь, со скуки чаек стреляю.

– Помнится, кое-кто любил ворон в парке стрелять.

– Точно не я это был. Или ты на что-то намекаешь, товарищ сталинский опричник?

Против ожидания Лаврентий за опричника не обиделся. Наоборот, мне даже почудились за стеклами пенсне пробежавшие быстро смешинки.

– Какие намеки, товарищ архангел? Я в курсе, что тебя там не было. – Лаврентий мечтательно закатил глаза к небу. – А зря.

Я не стал поддерживать запоздалые сожаления Берии. Не успели так не успели. И кто же знал, что оно так повернется? Вместо ответа я вскинул винтовку и выстрелил в ближайшую чайку. Но, к сожалению, промахнулся. Неправы те, кто считает чаек неприкаемыми реинкарнациями утонувших моряков. Это, скорее, души утонувших засранцев, которые ни нам не нужны, ни даже вероятному противнику. Жирная, наглая птица прошлась над палубой на бреющем полете, и лишь своевременный порыв ветра спас мою фуражку от гнусного поругания. А чайка сделала вид, что она

тут совершенно ни при чем, лениво взмахнула крыльями и закружилась за кормой в стае таких же прожорливых гадин.

Берия проследил за чайкой взглядом и поморщился.

– Вот и тот любитель стрельбы по воронам нагадил в стране и хотел смыться по-тихому. А вот почему, Гавриил Родионович, его церковь признала святым мучеником, а при моем имени попы даже в церкви матом ругаются? Ведь на самом деле все наоборот получилось?

– Лаврентий Павлович, ты у нас уже пятьдесят с лишним лет? Должен уже привыкнуть, что наша организация не страдает конъюнктурщиной и не гонится за количеством душ. Качество – вот наш критерий.

– О моем качестве, пожалуй, я и сам могу поспорить.

– Да не стоит прибедняться, не сирота казанская. Пользу своему народу принес? Принес. Пожалте к нам.

– Именно своему народу? – уточнил Лаврентий.

– Народу, а не народности. Или ты не русский? Оборону страны ты крепил? Крепил. Экономику поднимал? Поднимал. Ядрен батон вот с Курчатовым сделали. А так, хоть будь ты сто раз пацифистом и вегетарианцем, но если живешь тлей кукурузной... Хрен тебе, а не райские кущи!

Берия помолчал, усваивая информацию.

– Чего же я тогда у нас Иосифа Виссарионовича не наблюдал? Вроде бы всем параметрам соответствует. И даже более того...

– Ей-богу, Палыч, вроде умный ты мужик, научные труды

пишешь, на интригах не одну собаку съел, а порой дите дитем. Ну как можно Сталина к нам пускать? Вот, то-то и оно. Противник тоже от него отказался, опасаясь... Сам знаешь, чего опасаются. Так и ходит теперь – вечный грузин.

Такс, терзающий добычу, недовольно зарычал, предупреждая нас о появлении на палубе матроса со шваброй. Он, проходя мимо, поздоровался и начал сметать в кучу перья, разбросанные таксом. Да, намусорил наш охотник изрядно. И, наверное, стыдно стало, потому что он бросил очередную чайку к ногам матроса и потрусил прочь.

– Пойдем чайку попьем, – предложил я Лаврентию, – с ромом. Или Изю найдем.

– Чего его искать, у Кренкеля сидит. Что-то изобретает.

Изю найти мы не успели. Навстречу нам шел Воронин с весьма кислым выражением лица. То есть не то чтобы шел, сначала на трапе показались капитанские ботинки, потом форменные брюки, и уже вслед за кителем стал виден весь капитан целиком.

– К Матусевичу хочу сходить. Что там у него с машинами? Не бывали еще в машинном отделении? – потом спохватился: – Здравствуйте, товарищи, не виделись сегодня. Отсыпался после ночной вахты.

– Здравствуйте, Владимир Иванович. – Я повернулся к Бери. – Что, Лаврентий Павлович, посмотрим на сердце корабля? А может, и вредительство, какое обнаружим или предотвратим.

Воронин с пониманием момента улыбнулся.

– Для предотвращения диверсии, надо было все датские верфи на Соловки отправить. А короля... А короля на Мудьюг закатать.

– Вы надеетесь на мировую революцию, товарищ Воронин? – как бы невзначай поинтересовался Берия. – Господин Лев Давидович в бытность свою товарищем Троцким немалые народные деньги потратил на эту бредовую идею. Не смотрите на меня так удивленно, Владимир Иванович. Или вы троцкист? И тайком по ночам Патрацкую читаете?

Я оттащил Берию от капитана и зашипел ему в ухо:

– Не наезжай на человека, Лаврентий.

– Так я же пошутил.

– В следующий раз за такие шутки в пенсне получишь. Понял? И извинись перед капитаном.

Берия подошел к Воронину и фамильярно взял того под руку. Еще не оправившийся от тяжелых обвинений капитан этому не препятствовал.

– Кавказский шутка билль. Не принимайте всерьез, Владимир Иванович. Более того, в Москве есть мнение, в случае удачного исхода нашей экспедиции, назначить вас начальником военно-морской базы в Североморске.

– Североморске? Это где он? – не понял капитан.

– Секретная информация. Но вам, как будущему начальнику, расскажу. Начато строительство новой базы на месте нынешней Ваенги, да мы ее вчера проходили. Но пока мол-

чок! Никому ни слова! Враг не дремлет!

Окрыленный предсказанным повышением Воронин завел нас в строжайшем соблюдении военной тайны и повел с экскурсией в машинное отделение. Надо сказать, что там мне очень не понравилось. Шум, грохот, жара, подозрительное шипение. Единственный более-менее тихий закуток был занят. В нем старший механик Матусевич собрал свободную от вахты трюмную команду для проведения занятий по самообразованию.

При нашем появлении ученики, половина из которых уже с седыми усами, благовоспитанно встали.

– Сидите-сидите, товарищи, – махнул им рукой капитан. – Что там у нас с машинами, старшой?

– Да в штатном режиме, Владимир Иванович, – пожал плечами старший механик. – Узлов пятнадцать дадут. А так – как обычно. Скрипят, скрежещут, дребезжит что-то. Вторые сутки не могу найти где. Масло протекает везде, где только возможно. Но мы его регулярно протираем. А сейчас вот самообразованием занимаемся.

– И насколько успешно? – Берия с сомнением поглядел на одного из обучаемых, выделявшегося на фоне остальных узким разрезом глаз и плоским, как сковородка, лицом. – Вот скажите мне, товарищ... Э-э-э...

– Моториста Иванов! – отрапортовал подскочивший с места матросик.

– Вот скажите мне, моторист Иванов, а почему электро-

двигатель крутится?

Коренной житель трюма тяжело и надолго задумался, потом его нахмуренное чело озарилось.

– Так он же в розетку включен! – И победно посмотрел на товарищей.

– Как вас зовут? – уже всерьез заинтересовался Берия.

– Амангельды Мужикетович, товарища военный!

– М-да... А почему же тогда электроутюг не крутится?

– Так у него ося нету! Не на чем крутиться-то.

Стармех схватился за голову и рявкнул на своего подчиненного:

– Иванов, иди с глаз моих долой! Возьми ветошь и машины от масла протирай, академик. И не забудь фланцы на паропроводах протянуть.

Моторист убежал, испуганно втянув голову в плечи, а Матусевич отпустил всех с занятий. Лаврентий что-то черкал в своем блокноте, а капитан с механиком завели разговор, пересыпанный таким количеством технических терминов, что я опять заскучал. Но мое внимание привлек все тот же Амангельды Мужикетович, уже не в первый раз пробегающий мимо открытой двери. Через некоторое время он робко постучался и смущенно произнес:

– Товарища старший механик, ключи кончились.

– Что? Какие ключи? – не понял механик.

– Для болтов и гаек ключи.

– А куда они делись?

– Я их уронил.

– Куда?

– Туда. – Моторист показал пальцем на решетчатый настил, под которым плескалась вода пополам с маслом.

– Так достань. – посоветовал Матусевич.

– Не могу, товарища начальник, мы это место уже проплыли.

Житие от Израила

Как тяжело объяснить человеку, что нужно сделать, одновременно не поясняя, для чего это вообще требуется. Угу, попробую только сказать Кренкелю, что мне нужно установить связь с райскими кущами... Что будет? Правильно угадали, отправят прямо вслед за Кандыбой. Вот и приходилось мне ставить задачу туманными фразами, ссылаясь на строгую секретность. Интересно, а в каком году Толстой свою «Аэлиту» опубликовал? Не помню. Но старший радист уже поглядывает на меня с нездоровым любопытством. Нашел марсианина. И каналы там не я выкопал. Ой, только не надо тыкать пальцем в ошибки наших агрономов. С кем не бывает?

Мы с Кренкем битый час терзали его передатчики, пробуя на всех волнах передать несколько строчек зашифрованного мной текста. Тишина. Ну не совсем тишина. В ответ доносились возмущенные вопли забиваемых чудовищной мощностью сигнала иностранных радистов. А всего-то придвинулся ближе к усилителю, чтобы тот попал под действие моего нимба. Полезная, оказывается, штука этот нимб. А я им раньше только как фонариком пользовался, когда ночью в сортир ходил. И радисты пусть в сортир идут. Тут им не Лига Наций.

Теодорыч стянул с головы наушники и устало откинулся

на стуле.

– Нас, кажется, уже и на Луне слышно, Изяслав Родионович.

Сказать ему? Нет, все равно не поверит. А мне потом за разглашение секретной информации Гиви рога поотшибает. Я сказал «рога»? Вам слышалось. Конечно же, крылья повыщипает. Только и остается надеяться на мастерство и опыт радиста. Умнейший человек, и не скажешь, что в Польше родился. И к своим тридцати годам успел все севера обойти с экспедициями и зимовками. На «Цеппелине» летал и, говорят, спойл самого Шнобеля. Но не того, что с динамитом и премией, а который с дирижаблями падает. Или не Шнобеля? Не помню, хотя перед командировкой у Доконта консультировался. Ладно, потом уточню.

– Теодорыч, а может, антенна плохая?

– Я ее сам делал. – Кренкель посмотрел на меня, как на врага народа.

– Тогда ладно, – поспешил я исправить ситуацию, – я-то думал, она еще с Копенгагена.

Радист промолчал, закуривая папиросу от зипповской зажигалки, купленной, видимо, в Дании. А пепел стряхивал в оригинальную пепельницу, представлявшую из себя перевернутую рынду на подставке, и с надписью славянской вязью по ободку «Сибиряков». Проследил за моим взглядом и кивнул.

– Оттуда. У капитана на память выпросил. Если тогда вин-

ты потеряли, кто рынды хватится?

Да, действительно, кто будет искать небольшой колокол, не самую необходимую вещь на корабле. Так и мы втроем пропали, и хрен бы с нами. Кто вспомнит среди прочих двух обычных архангелов и одного простого полусвятого опричника? Разве что Перун, да и то под сомнением. Отплытие наше в аккурат на Ильин день пришлось, а ему потом по всей стране грозы организовывать. Заметили, что после 2 августа редко когда громыхнет? Отдыхает Илюша. Только если сапогом в помешавшего херувима бросит.

Ох, сироты мы, сироты. Связи с базой нет. Да что с базой, с Гиви не могу мысленно связаться. Вот попадалово... Давеча брился с утра, так порезался в трех местах. Это при том, что шкуру мою даже турецкие ятаганы не брали. Потому и первым на стену Измаила поднялся. Обижался потом родственник, что город его имени на шпагу взял. Да, а сегодня вдруг порезался. Проводим инвентаризацию дальше. Меч, положенный по должности, остался. Толку только с него. От чаек буду отбиваться, от тех, что Гиви не дострелил. А что, летать пока могу. Легкую иллюзию – тоже могу. Пожалуй, и все... Способности к трансмутации нас давно лишили, с тех пор как Гиви воду в вино научился превращать. А пошло оно все...

– Эрнст Теодорович, а ты в Бога веришь?

– Нет, Изяслав Родионович, я материалист.

– Ну, тогда скажи мне как материалист материалисту...

Представь себе гипотетическую возможность существования Его. – я посмотрел в потолок. – И надо установить с Ним связь.

Кренкель радостно заржал и переспросил:

– С самим Господом?

– Не обязательно, – я улыбкой поддержал шутку, – достаточно просто связаться с кем-то из святых.

Радист принял задумчивый вид, удивительно сочетая его с непрекращающимся смехом. Почесал нос, видимо, ухватывая ускользающую мысль, и изрек:

– Икону надо на антенну вешать. Во всяком случае, именно так я бы и сделал.

– Серьезно?

– Ответ соответствует вопросу, – усмехнулся Кренкель. – Вот если бы с Кощеем нужно было связаться, я бы у биолога скелет выпросил.

– Кощеев не существует, – заверил я радиста.

– А Бог?

– Эрнст Теодорович, давай не будем устраивать теологические диспуты. Скажи лучше, у тебя иконы есть?

– Откуда, Изяслав Родионович? Я в детстве в лютеранстве воспитывался.

– Да, – покачал я головой, – с точки зрения ОГПУ, это большой грех. Но где же нам взять икону?

– У боцмана есть. Только ни за что не признается.

– Так пойдем? У меня и не такие признавались.

Заморского мы нашли довольно быстро. Первый же палубный матрос махнул рукой в сторону нагромождения ящиков, за которыми и обнаружился боцман, устанавливающий капканы. Нимало не смутясь, он пояснил:

– На собак охочусь. Замучили, гадины.

– Смотри, Сан Саныч, – предупредил я Заморского, – если такс в капкан попадется, товарищ Архангельский будет очень недоволен.

– Не попадется, товарищ Раевский. Он сырое мясо не ест, кок отбивными набаловал. Так что не беспокойтесь, ничего с таксом не случится, ей-богу.

– Кстати, о Боге, Сан Саныч. Нам тут с товарищем Кренкелем, для научного эксперимента, срочно икона понадобилась. Не подскажите, случайно, где бы нам ее найти? Понимаете, задание партии... и все такое.

Боцман, думая, что я не замечаю, погрозил Кренкелю кулаком.

– Да что вы, товарищ Раевский, откуда на «Челюскине» икона? Ведь Владимир Ильич Ленин сказал, что Бога нет.

– Точно, товарищ Заморский. А черта с крючками в ушах, которого Кандыба видел, его тоже нет?

– И черта нет, Изяслав Родионович, – с готовностью подтвердил Заморский. – Но вот совершенно случайно вспомнил, что давно вожу с собой одну картину, но исключительно в качестве образца древнерусской живописи. И если пообещаете вернуть в целости и сохранности, то могу одолжить.

А чертей, особенно морских, не бывает. Правда, товарищ Кренкель?

В радиорубке я осторожно развязал тесемки на войлочном чехле, предохраняющем икону от сырости, и взял грех на душу – вполголоса матюгнулся. Этого счастья мне только и не хватало.

– Что-то не так, Изяслав Родионович? – озабоченно спросил Кренкель. – Не та икона?

– Конечно, не та. Видишь? Это Тихвинская Богоматерь.

– Не подойдет?

– А то. С бабой связываться... – нашел я отговорку.

А сам тем временем почесал макушку, порой ноющую к непогоде. Именно по башке мужниным рашпилем меня отблагодарили за принесенную благую весть. А я-то, дурак, тогда распинаясь, описывая радужные перспективы дальнейшего бытия, и в первый раз в жизни пропустил удар.

– Слушайте, товарищ Раевский, у нас же на пароходе свой художник есть, Решетников. Пусть он нарисует. А Вы подскажите. Только он спирт не пьет.

– Он что, не настоящий художник? А впрочем, у товарища Архангельского под койкой полная сумка коньяку.

Глава 5

*Не за ранги и медали
Люди крепче камня стали.
Не отдали, не предали
Севера.*

Олег Митяев

Москва. Кремль

Сталин привычно ходил по своему кабинету и курил папиросу, безжалостно стряхивая пепел на ковер. Небрежно брошенная на стол трубка, пока еще не ставшая знаменитой, сиротливо дожидалась хозяина возле пепельницы. Хозяин был занят. Тихим, чуть глуховатым, оттого более страшным голосом он устраивал разнос. Заместитель наркома по военным и морским делам С.С. Каменев и заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода стояли навывтяжку и молчали, когда Сталин подносил им к носу зажатую в кулаке телеграмму. Портрет Ленина со стены издевательски поглядывал на разносимых товарищей.

– Вы что, не знаете своих подчиненных? И вообще определитесь, наконец, чьи это подчиненные. Почему телеграммы с «Челюскина» приходят подписанные не начальником экспедиции товарищем Шмидтом, а никому не известным

комбригом Архангельским? И что обозначает звание – комбриг ОГПУ? Вы, товарищ Ягода, можете это объяснить?

– Товарищ Сталин, – начал оправдываться придавленный лавиной вопросов Ягода, – может, товарищ Менжинский в курсе?

– Копаете под начальника? – прищурился Сталин. – Одобрю. Но давайте дадим заслуженному товарищу умереть спокойно. А может, это товарищ Каменев завел собственное ОГПУ? Это вы у нас занимаетесь освоением Арктики? Ваши люди сейчас на «Челюскине»?

– Никак нет, товарищ Сталин. В списках РККА данный комбриг не числится.

– А может, это еще Феликса Эдмундовича люди? – предположил Ягода. – Он был большой любитель всяческих тайных организаций.

– Б... – выругался Сталин, – этот польский скрипач и после смерти подгадить сумеет. Но не может же человек дослужиться до комбрига и не оставить никаких следов. Должны же они были пайки получать, денежное содержание. Квартиры, наконец.

– У нас все может быть, – вздохнул Ягода. – А что, Архангельский там не один?

Сталин молча протянул бумагу.

«Москва. Кремль. Сталину.

Ввиду тяжелой ледовой обстановки восточнее Новой Зем-

ли и угрозы срыва задания партии и правительства принято решение идти в Берингов пролив кратчайшим путем через Северный полюс. В сэкономленное время планируется исследование Земли Франца-Иосифа. Просим одобрить изменение географических названий. Общим собранием участников экспедиции архипелагу решено присвоить название Земля Иосифа Виссарионовича.

10 августа 1933 года Подпись: комбриг Архангельский, комбриг Раевский, комбриг Лаврентий Берия».

– Непонятно. – Ягода пошевелил крохотным квадратиком усов. – Вот этот, третий там откуда взялся. Он же должен Грузией руководить. Однофамилец?

– А пусть хоть полный тезка, – усмехнулся Иосиф Виссарионович. – Нам еще один товарищ Берия лишним не будет. Надежный человек. Два месяца назад меня от пули террориста закрыл. Вы бы на такое решились? Не отвечайте, не люблю вранья. Так что там по «Челюскину» думаете?

– А что, товарищ Сталин, – пробасил в свои усы, которым завидовал сам Буденный, замнаркома Каменев, – неплохой щелчок по носу буржуазным странам получится.

– Вы думаете? – с сомнением произнес Сталин и подошел к столу, на котором была заранее разложена карта Арктики, и, взяв лупу, принялся внимательно рассматривать Землю Франца-Иосифа. – Какие нехорошие названия. Самый крупный остров назван именем английского короля. Непорядок.

– Так точно, непорядок, – подтвердил Каменев. – Я думаю, надо поддержать инициативу товарищей. Посмотрите, Иосиф Виссарионович, – Британский канал, Американский пролив, Итальянский пролив, Австрийский пролив. Ну, куда такое годится? И это на территории первого в мире государства рабочих и крестьян.

– А еще есть остров Дункана Мак-Лауда, – наябедничал Ягода, почувствовав, что гроза пронеслась мимо. – А из наших названий только один царский генерал. И еще адмирал есть, но тоже царский.

Товарищ Сталин неторопливо потрошил папиросы, на этот раз решив закурить трубку. Каменев с Ягодой подобрались и построжили. Трубка – это знак. Трубка в руке – это принятие важных и судьбоносных решений, от которых могут полететь многие головы. Как и знак того, что в случае успеха можно взлететь высоко-высоко.

– Не надо трогать царских адмиралов с генералами, – негромко посоветовал Сталин. – Товарищ Макаров до черных орлов чуть ли не из пролетариев дослужился. К тому же – именно он первым из русских занялся этими островами. А товарищ Брусилов поддержал Советскую власть. Так что это наш царский генерал. Ведь правда, товарищ Каменев?

Бывший полковник поспешил согласиться:

– Так точно, Иосиф Виссарионович. Я предлагаю дать всем островам и проливам имена героев Гражданской войны.

– И чекистов, – поддакнул Ягода.

– Нет, не пойдет, – отрицательно покачал головой Сталин, – герои гражданской войны – это, конечно, замечательно. Но сегодня он герой, а завтра выясняется, что на самом деле это английский шпион и сволочь сволочью. Как тот же Лев Давидович. Прикажете опять переименовывать? Нет, названия нужно давать в честь проверенных временем и историей товарищей, про которых мы точно знаем, что не изменят. Герои войны 1812 года, например. Да и мало ли других героев? Тот же Ермак. Или Олег Вещий, давший отпор византийскому агрессору на его территории. И прогрессивная общественность на Западе поймет, что Советский союз – это государство с историей, берущей начало в глубине веков.

– Откуда на Западе прогрессивная общественность, товарищ Сталин? – задал вопрос Ягода. И пояснил: – Они же все капиталисты.

– Не все. В Америке сейчас депрессия, а когда кушать хочется, то люди сразу коммунистическими идеями проникаются. Ладно, не будем спорить. Подведем краткие итоги нашего совещания. Имеется мнение поддержать инициативу товарища Архангельского. Товарищу Каменеву поручается послать телеграмму от имени Советского правительства, за моей подписью. И приложить список рекомендованных к применению названий. При невозможности пройти до Берингова пролива пусть возвращаются в Мурманск. Задание, данное партией, будет считаться выполненным. Все, товари-

щи. Текст телеграммы принесете мне на утверждение. Все свободны. И спросите заодно, не родственник ли кому из них тот Лаврентий Павлович.

«Челюскин», Баренцево море

– Итак, товарищи, – Отто Юльевич Шмидт обвел взглядом общее собрание, – как вы уже знаете, по заданию партии и правительства мы меняем курс. Нам поручено ответственное дело, и мы его должны выполнить со всей пролетарской сознательностью. У кого есть вопросы ко мне как к начальнику экспедиции? Задавайте, товарищи, не стесняйтесь.

Руку поднял довольно молодой полярник, заросший бородой:

– Отто Юльевич, а как же моя экспедиция? Мы с товарищем Васильевым должны сменить станцию на острове Врангеля.

– Вот-вот, – поддержал своего начальника гидролог. – А у меня еще скоро жена должна родить.

Шмидт наклонился к сидевшему рядом комбригу Архангельскому:

– Этот мудака на зимовку бабу беременную потащил.

– Гавриил Родионович в ответ только поморщился.

– Не беспокойтесь так, товарищ Васильев, – ответил Шмидт, – пусть ребенок в нормальных условиях родится. Вы ведь девочку ждете? И имя ей подходящее подберем. Францеиосифина – как звучит, а? Не нравится? Тогда – Баренцина. Тоже не подходит? Может, попросим товарища Раевского придумать?

– Да мы просто Машей назовем, – пошел на попятную гидролог.

– Все вопросы? – уточнил Отто Юльевич. – Тогда все свободны. Пилоту Бабушкину – начинать собирать свой самолет для проведения ледовой разведки.

Житие от Израила

Народ быстро разошелся, и в кают-компании остался немногочисленный начальствующий состав, изрядно разбавленный празднующими гражданскими личностями. Я заметил висящую на стене гитару и толкнул Гаврилу локтем в бок.

– Гиви, спой нам, пожалуйста.

– Изыди, я не в голосе, – отмахнулся непосредственный начальник.

– Добром прошу...

– А в ухо?

– Ладно, сам напросился. – я встал и похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание. – Товарищи, вы, наверное, не знаете, какой замечательный талант находится рядом с нами. Но вы его еще узнаете. Нужно только попросить Гавриила Родионовича исполнить несколько песен.

Одобрительный гул голосов подстегнул мое красноречие. Ну, погоди, Гиви. Узнаешь, как мне в ухо угрожать.

– Вы, наверное, не знаете, товарищи, что сам Шаляпин, слушая комбрига Архангельского, плакал от восхищения, а великий Карузо от зависти посыпал себе голову пеплом, который стучался в его сердце. Так давайте же попросим...

Под вежливыми аплодисментами Гиви сдался. Он взял гитару в руки и подкрутил колки, настраивая семиструнку

на привычный ему шестиструнный лад. И, присев на диван, взял несколько аккордов.

– Это не «Каховка», – удивился парторг Белецкий.
Гиви в ответ грустно улыбнулся и запел:

Капитана в тот день
Называли на «ты».
Шкипер с юнгой сравнились в талантах.
Распрямляя хребты
И срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Мертвая тишина стояла в кают-компании. Слушатели только изумленно переводили взгляд то друг на друга, то на исполнителя. Видно, что такого они не ожидали. А Гиви все продолжал со знакомой хрипотцой в голосе:

Киль как старый неровный
Гитаровый гриф.
Это брюхо вспорол мне
Коралловый риф.

Я смотрел на зрителей. Капитан Воронин сидел с распахнутыми глазами и беззвучно шевелил губами, видимо, пытаюсь запомнить понравившиеся строчки. Корреспондент газеты «Известия», вытирая выступившие слезы, что-то стенографировал в блокноте. Шмидт вообще уставился в одну

точку и в задумчивости трепал бороду.

Гиви закончил выступление и вернул гитару на место.

– Это ваше, Гавриил Родионович? – спросил Шмидт.

– Нет, Отто Юльевич, не мое. Эту песню написал один мой друг, к сожалению слишком рано умерший.

Пользуясь тем, что на диванчике мы были только вдвоем, я упрекнул Гиви шепотом:

– Сдурел? Надо было в своем авторстве признаваться. Всенародная известность, сталинская премия и все такое... Капусты бы срубили на халяву. Чего опять в ухо-то? Что я такого предложил?

От немедленной расправы путем бития в многострадальное ухо меня спас появившийся в кают-компании Кренкель, отсутствовавший на собрании по причине вахты. Он издаലെка, с самым заговорщицким видом начал подавать мне таинственные знаки, сразу расшифрованные бдительным Гиви.

– Только попробуйте коньяк у меня спереть...

– И в мыслях не было. – я сделал честное лицо. На самом деле, зачем пробовать, когда две бутылки сегодня утром поменяли своего хозяина и местожительство. Одна пойдет Решетникову, а вторая – на обмытие в случае удачной попытки.

Я оставил Гавриила купаться в лучах чужой славы и вслед за радистом покинул общество ценителей искусства, предпочтя им более прозаичного технаря Теодорыча. Слава, она что? Сегодня есть, а завтра взошел новый кумир на небосклоне, и вот сидишь ты в одиночестве, уныло взирая на

оклеенные собственными афишами стены.

В радиорубке Кренкель с гордостью вытащил из-за пазухи газетный сверток.

– Вот. Только подходящего сухого дерева не нашлось, – пояснил он. – Так боцман на радостях, что Тихвинскую вернули, весло от баркаса подарил. А чего? Там лопасти широкие.

Я развернул газету. Батюшки! Шеф, как живой. И лыси-на так же розово поблескивает. Определенно, этот Решетников большой талант. Как расписал, а? Будто на фотографию смотрю.

– Подойдет? – с надеждой спросил радист, искоса взглянув на стоящие под столом бутылки. – Или перерисовывать придется?

– Не знаю. Пробовать надо.

Со стороны, наверное, смотрелось довольно оригинально – чекист в высоких чинах лезет на мачту, сжимая в зубах брезентовую сумку. В нее мы спрятали решетниковскую икону во избежание ненужных вопросов и пересудов. Только палуба была пустынна, за исключением Кренкеля, снизу руководившего модернизацией своей антенны. Все были заняты на вахтах, а немногие штатные бездельники, видимо, до сих пор осаждали комбрига Архангельского. Я закрепил сумку с иконой и посмотрел вниз.

– Как, Теодорыч? Так нормально будет?

– Хорошо, Изяслав Родионович. Только осторожней там,

не упадите.

Вот рожа немецкая... Ну зачем говорить под руку? Точнее, под ногу. Она-то как раз неловко подвернулась, а так как в это самое время я пытался прикурить, стоя в обнимку с мачтой, то не удержался и полетел вниз. Но не долетел. Захлопали, расправляясь, крылья за спиной, и под заторможенным взглядом Кренкеля я мягко приземлился рядом с ним.

– Что это было, товарищ комбриг? – ошалело вращая глазами, спросил радист.

– Ты ничего не видел, Эрнст Теодорович, – строго предупредил я. – Это сверхсекретные разработки. Беляева читали?

– Про человека-амфибию? Так это правда?

– Я про Ариэля. Ах, да, роман еще в черновиках. Но как выйдет из печати, обязательно прочитайте. А про происшествие – никому

Житие от Гавриила

Как по-предательски подставил меня Изя с этой гитарой.
И бросил среди новоявленных поклонников. Ладно еще вер-
ный такс, отожравшийся до состояния кабачка, с трудом за-
прыгнул на диван и лег, положив голову на лапы. А мне
опять вручили гитару и попросили спеть. Что им теперь?
Разве что вот эту, любимую, из Сергея Трофимова:

Мы дети любви, пропавшие где-то
В дебрях славянских болот.
С крестом на груди.
С повадками зверя
И дерзостью бешеных псов.
Опричник и вор,
Святой да охальник,
Учитель и пьяный палач.
Трех коней
Гоним по лесу вскачь.

Ага, вижу, многие заерзали на месте. Парторг с красной
рожей что-то пристально на полу разглядывает. Нравится,
ядрена кочерыжка? Ну, сами напросились.

Мы верим в Христа,
В счастливое завтра,
И в лешего с Бабой-ягой.

Жалею слонов
С далекой Суматры
И ближних пинаю ногой.
Мы терпим нужду.
Томимся богатством
И ищем потерянный след
В ту страну, где не бывает бед.

Зашевелились, толстожопые? Припев нужен?

Там-там-там – вечное лето.
Там-там-там – вечная жизнь.
Там Господь каждому даст конфету
И позовет в свой коммунизм.

Белецкого сейчас кондрашка хватит. А сам виноват, сидел бы в своей каюте, патефон бы слушал. И вся кают-компания затаила дыхание, только известный вольнодумец Лаврентий, скромно сидя в уголке, показывал оттопыренный большой палец в одобрительном жесте. А струны уже сами звенели:

Мы ценим других,
Читая некролог
У серой могильной плиты.
И топчем живых,
Мол, век наш недолог,
На всех не найдешь доброты.

Закончил песню в абсолютной, чуть ли не космической тишине. Из неловкого положения собравшихся выручил Кренкель, неожиданно появившись в дверях.

– Гавриил Родионович, вас товарищ Раевский в радиорубку просит.

Провожал меня дружный вздох облегчения.

Изя сидел перед радиоприемником, руками вжимая в голову наушники. Наш приход не заставил его обернуться. Вот еще один радиолобитель нашелся. Неужели это так заразно? Наконец он обернулся.

– Гиви, есть контакт.

– Сам ешь свой контакт.

– Говорю, связь установлена, – почти проорал Изя мне в лицо. – Только не слышно ни хрена. Но голос знакомый.

– Дай сюда! – Я отобрал наушники и столкнул напарника со стула. В эфире сквозь шумы и треск, на пределе слышимости доносился забиваемый чужой морзянкой голос. – Изя, дай карандаш и бумагу.

Напряженно вслушиваясь, я начал записывать обрывки слов...обуй... Опять треск...мизер... тур... Какой-то свист.

– Какой мизер? – возмутился Изя. – Кого обусть? Они что, в преферанс пулю расписывают?

– Заткнись! – И я продолжил записывать.

Так, опять свист...обле... джем... обуи... пытай... на связь... повой... лай...

– Нет, Гиви, они издеваются? – кипел товарищ Раевский. – Повой, полай. И все это с джемом.

– Подождите, товарищи, – вмешался Кренкель. – Можно мне послушать? Я привык DX в эфире вылавливать.

Радист надел наушники и взял карандаш.

– Так... Так... – бормотал он себе под нос, – славненько... чудненько. Ну, это все понятно.

– Что там?

– Вот, смотрите. – И Кренкель вслух прочитал: – «Попробуйте оптимизировать контур. У вас проблемы. Помочь не можем. Попробуйте выйти на связь по новой. Николай».

Обрадовал. Так обрадовал, что сейчас плясать начну.

– Эрнст Теодорович, а про какой контур речь шла?

Радист посмотрел на Изю и, запинаясь, ответил:

– Да понимаете, Гавриил Родионович, это изобретение товарища Раевского. Мы вот тут икону на антенну закрепили.

– Зачем?

– Ты что, товарищ Архангельский, – Изя пришел выручить радиста, – не помнишь? Мы же у себя в ОГПУ изучали влияние артефактов на радиосвязь. Забыл?

– Так то артефактов. А где вы икону настоящую на корабле взяли? У нас судовой церкви нет.

– Зачем нам церковь? И икона лучше настоящей получилась. Решетников нарисовал. Представляешь, Гиви, Николай Чудотворец как живой. Лучше фотографии.

– Дурак ты, товарищ Раевский. Ты бы еще портрет Лю-

бови Орловой туда закрепил. Иконы же пишутся по определенным канонам. Вот Теодорыч свои приемники по схемам паяет, и тут так же. Параметры совсем другие получились. И как ты еще с редакцией «Плейбоя» связь не установил?

– А разве шеф и там снимался?

– Мало ли где он снимался, – одернул я подчиненного. – Лучше думай, где настоящую икону достать.

– На «Пижме» должна быть, – вдруг заявил Кренкель.

– Там-то откуда?

– Я видел, как они в Мурманске грузились. Там среди зэков священник был, в рясе и с крестом. Еще чемодан нес. В нем точно иконы есть.

– Теодорыч, давай связь с «Пижмой», – взмолился я.

– Не могу, – развел руками радист. – С ними уже десять дней связи нет. Каждые два часа вызываю, и днем, и ночью.

У меня появилось огромное желание взять молоток потяжелее и пройтись победным маршем по громадным шкафам радиостанции. Видимо, оправдываясь в неудаче, она виновато гудела всеми лампами и умформерами. Подлизывается, сволочь. Ладно, не обижу.

– Изя, я к Бабушкину. Помогу со сборкой его тарахтелки и лечу с ним.

– Добро. Я тут пока побуду. Может, еще что придумаем. Ты только не шлепнись с той этажерки.

– Товарищ Архангельский не упадет, – заверил Кренкель, чем заслужил мой удивленный взгляд.

Глава 6

*Мы взлетали, как утки,
С раскисших полей
Двадцать вылетов в сутки.
Куда веселей
Мы смеялись, с парилкой туман перепутав.
Владимир Высоцкий*

Житие от Гавриила

И кто обозвал эту ласточку тарахтелкой? Я обозвал? Да креста на вас нет, окаянные. Вот Изя, тот мог обозвать. Этажеркой. Но точно не я. Потому что влюбился в этот самолетик с первого взгляда. Вот вы, да, именно вы, верите в любовь с первого взгляда? Что ж, я и раньше подозревал всех людей в цинизме и мизантропии. Признаться, и сам людей не люблю. Так то людей!

Мы втроем уже полчаса ползали по амфибии Ш-2, в просторечии называемой «Шаврушкой». Мы – это я сам, летчик Михал Сергеич Бабушкин и техник Мойша Шниперсон, двухметровый детина, странной волею судеб имевший роскошную белобрысую шевелюру и нос картошкой. Мы монтировали крылья и двигатель, до поры лежавшие в сухом трюме, и машина ласково звякала в ответ на прикосновение га-

ечных ключей.

Как идеальная женщина, встретившая любимого мужа после длительной командировки. Можете себе представить идеальную женщину? Радующие глаз формы, благодарная отзывчивость на уход и ласку. Неприхотливая и надежная. Нет, это не про женщину. У них не может быть такого ангельского характера, как у гениального творения инженера Шаврова. Уж поверьте мне, как специалисту. Нет, не по самолетам – по прекрасной половине человечества. Что? Нет, собаки к человечеству не относятся. Помнится, была у меня одна... Далила, кажется. Или Юдифь? Нет, этой Изя голову снял при попытке покушения. Забываю... Она все в Путивле, на забрале плакала. Все ко мне полететь порывалась. Полететь? Ах, да... Я же о «Шаврушке» рассказывал.

Не зря, наверное, поговаривают, что Вадим Борисович собирал самый первый, опытный образец в собственной спальне. Я бы тоже не отказался от такой красотишки в спальне. А крылья в детской делал. Вот повезло человеку с семьей. Или самолету с человеком?

Соловьями запели шлюпбалки, потихоньку вываливая летающую лодку за борт. Несколько добровольцев крутили лебедки, а значительно большее количество народу давало советы по наиболее безопасному спуску самолета на воду. Все же размах крыльев в тринадцать метров требовал некоторой осторожности. Но вот уже «Шаврушка» закачалась на мелкой волне, притянута к «Челюскину» шкентелем.

– Счастливого полета! – напутствовал нас боцман, размотав за борт катушку штормтрапа.

Мы с Бабушкиным, переваливаясь и косолапя, как медведи, из-за унтов и меховых комбинезонов, полезли вниз. Лезгинку в водолазном костюме танцевать несколько не труднее будет. Летчик пробрался на свое сиденье, придерживаясь руками за плексигласовый козырек, а я следом ступил с трапа на узкую носовую палубу, которая ощутимо качнулась под моим шестипудовым весом. Ладно, хватит мне места, не в футбол же тут играть. Ага, как последнему, надо отдать швартовы. Да забирайте! Держа равновесие, встал на поплавок и занял место на пассажирском кресле справа от Бабушкина. А чего он на меня так удивленно уставился? Я внимательно оглядел себя. Да нет, все в порядке, ширинка застегнута. Не тот конец отбросил? Но вроде бы «Челюскин» набирает ход, не утягивая нас за собой.

– Что-то не так, Михаил Сергеевич? – спрашиваю.

– Нет, все нормально, товарищ комбриг. Только мне нужно мотор запустить.

– Так запускайте, товарищ Бабушкин. Я не против.

Летчик замолчал. Видимо, от радости. Ну, еще бы, сам комбриг Архангельский разрешил завести двигатель. Нет, вот, что-то хочет сказать.

– А не могу завести, товарищ комбриг.

Тьфу... Опять не слава богу. Ой, извини, Господи, ты этого не слышал.

– Сломался? Странно, а на вид вполне исправный. Тут же стосильный «Вальтер» стоит? Я давно говорил, что немцы не могут нормальную технику делать.

– Он не сломался, – скромно пояснил Бабушкин. – Надо винт провернуть пару раз.

Ворча и матерясь, я вновь полез на палубу. Настолько неуклюже, что рядом кто-то громко рассмеялся. Где это рядом, море же кругом? Опять ржет, слева от меня. Ага, вижу. Обыкновенная толстомордая белуха радостно оскалилась и еще головой кивает. Здоровается, наверное.

– Ну, здравствуй. Что, пингвин, весело? Лучше бы помог «Пижму» найти. Где она, знаешь?

– Деда-деда-деда-деда, – заверещал полярный дельфин и, видимо соглашаясь, захлопал плавниками.

– Какой деда? – возмутился я. – Хотя если в профиль глянуть... Нет, не было такого. Ты кому, Андерсену поверил? Врет он все, понял?

– Деда-деда-деда-деда, – ответила белуха и плеснула в меня водой.

– Не балуй, – погрозил дельфину пальцем. – В угол поставлю!

Зверюга успокоилась, а я пошарил по карманам, куда накануне сунул горсть конфет.

– Вот, «Мишку на Севере» будешь? Мало? Вот еще. Имей совесть, пингвин!

В общем, договорился я с юным вымогателем. Покажет

он нам «Пижму», только должны лететь мы невысоко и не быстро. Но по возвращении будем должны конфет столько, сколько весит крупный палтус. Согласился, хотя ни разу не видел этого палтуса живьем. Ну, будем надеяться, что достаточно мелкая рыбка. А корабль совсем рядом. До него два косяка селедок, подводная гора и стойбище каракатиц. Короче – плавником подать.

Дельфин уплыл в восточном направлении, а я, наконец, вспомнил, за каким же... хм таким вылез на палубу.

– Михал Сергеич, в которую сторону крутить? Туда?

Бабушкин пальцем показал нужное направление, и я крутанул. Мотор что-то буркнул и чихнул.

– Будь здоров!

С техникой вежливость никогда не бывает излишней. На самом деле помогло. После второй попытки агрегат заработал легко и радостно, раскрутив перед моим носом мерцающий диск пропеллера. А дальше что?

– Сергеич, я в эту мясорубку не полезу.

– Нагнитесь пониже, товарищ комбриг. Места хватит. Тут даже Мойша пролезал, – проорал Бабушкин сквозь треск двигателя.

Я с сомнением посмотрел на просвет между палубой и винтом. Всю жизнь мечтал посреди Ледовитого океана раком ползать. В таком виде и креветка элегантнее меня смотрится. Нет уж, лучше аккуратненько на колесо шасси переползу. Ха, Шниперсон пролезал, нашли эталон. Будь у меня

такая фамилия, и я бы куда угодно пролез.

Житие от Израила

Я отпустил Кренкеля отдыхать, едва в дверях радиорубки появился Лаврентий. Он подошел к диванчику, на котором обычно и спал старший радист, сел и откинулся на спинку, заложив руки за голову. В стеклах пенсне отражались разноцветные карточки на стенах (у радиолюбителей называющиеся QSL), присылаемые в знак подтверждения проведенной радиосвязи. А за стеклами хитрые-хитрые глаза.

– Не слышал, что Гаврила в кают-компании учудил?

– А что случилось? Вроде в самолет он трезвый садился, я в иллюминатор смотрел. Кофе будешь?

Берия посмотрел, как я ставлю на самодельную плитку бронзовую турку, и ответил сразу на второй:

– Конечно, буду. А Гиви там трезвый был, что и шокировало товарищей.

– С каких это пор трезвость вызывает шок и трепет?

– Неверно выразился, – уточнил Лаврентий. – Люди в тягостном раздумье и глубоком размышлении разошлись. Белецкий у доктора третий стакан валерьянки выпросил, все не может понять, как это, большой чин ОГПУ поет песни, расходящиеся с курсом партии. Непорядок.

– Уж не про баньку ли по-белому спел? – спросил я, разливая кофе по чашкам.

– Он свою любимую исполнил. Где Господь всем конфеты

раздает.

— Гиви такой, — согласился я, размешивая сахар. — Помню, на фестивале в Навашино... Лаврентий, ты не был в Навашино!?

— Да, — хмыкнул в чашку Берия, — только с моей рожей и шляться по фестивалям. Может, еще одного Жукова встречу. С ковром и пистолетом.

Я себе это представил. Да, неплохо бы смотрелся на параде стилизованный под Лаврентия Палыча участник. Особенно на фоне трех, как в прошлый раз, Иосифов Виссарионовичей, один из которых, в кепке-аэродроме, торговал мандаринами на навашинском рынке.

— Слушай, Изяслав Родионович, когда выберемся отсюда, познакомишь нас? Стой, Изя, положи пепельницу. Конечно же — пусть живет. Я имел в виду живую встретиться.

Ладно, на этот раз бить Лаврентия не буду. Хотя и стоило бы. Я же помню недавнее увлечение нашего шефа поэтами. Вот гнида! И ведь еще молодых сманивал, обещая райские условия и стопроцентно надежную маскировку переселения. А в итоге? Да нет никакого итога. Хоть бы кто строчку написал. А еще говорят — душа поет, душа поет. Ни фига она без тела петь не хочет. Мотивации нет. Вот псалмы, те да... те получают. Нет уж, пусть живут долго и счастливо, дай им Бог здоровья.

Да я и сам почти поэт. Не верите? Ваше право. А, к примеру, Баркова читали? Что? Нет, конечно, сам стихи не пишу,

так, эпиграммы иногда. Но идею подбросить и вдохновить – это с удовольствием. Вот вы говорите – музы. К Анне Ахматовой, возможно, и музы приходили. Но у Ивана Семеныча я побывал лично. Да точно вам говорю. А у меня и книга с автографом есть. Вот как помрете – заходите, покажу.

– Как ты думаешь, – Берия поставил пустую чашку на стол, – найдет Гиви «Пижму»?

Житие от Гавриила

А что ее не найти? Нашел. Вот она, родимая, показалась вдалеке на исходе третьего часа полета, когда я уже начал беспокоиться, хватит ли нам бензина на обратную дорогу. Дымит-то как. Там что, котлы вместо донецкого антрацита старыми сапогами топят? И ведь прет кораблик точно в сторону Маточкиного Шара. На всех парах, пользуясь отсутствием льдов. На орден капитан рассчитывает. Да, но, по моим расчетам, они должны были уже Новую Землю пройти. Заблудились?

Самолетик быстро, с бешеной скоростью в сто двадцать километров в час, догнал «Пижму» и, как заправский топмачтовик нарезал круги, проносясь над палубой. Выскочивший народ придерживал шапки, рассматривая необычное явление.

– Гавриил Родионович, – крикнул Бабушкин, – приготовьтесь к бомбометанию.

Оно мне надо, своих бомбить? Но на всякий случай вынул из необъятных карманов три гранаты.

– Я пошутил, товарищ Архангельский! – Бабушкин оставил штурвал и замахал руками. – Надо вымпел с запиской сбросить.

За отсутствием вымпела на палубу полетел старый валенок. Там его подобрали, почесали себе ушибленную ма-

кушку, изучили послание и побежали на доклад к капитану. Который принял правильное решение, и судно сбавило ход, предупредительно просигналив гудком. Бабушкин сделал еще один облет и повел «Шаврушку» на посадку. Приводнившись, мы были встречены набивающимся в родственники дельфином.

– Деда-деда-деда-деда...

– Куда прешь, зараза? Не забыл я про тебя. Лучше швартовый конец подай.

«Внучек» послушно сплавал и принес в зубах обрывок каната.

– Зачем отгрыз? Я же весь просил. Уйди с глаз моих долой. Не мешай.

На палубе нас уже ждали. Худощавый моряк сделал шаг вперед и представился:

– Капитан Чучкин. А вы, наверное, комбриг Архангельский?

Я небрежно поднес руку к летному шлему и поздоровался, попутно оглядывая палубу. Где они «Мир» спрятали? Уж не вот в ту ли цистерну?

– Здравствуйте, Борис Николаевич. Да, это я Архангельский. Где тут у вас глубоководный аппарат?

– Вы галюн имеете в виду, товарищ комбриг? – уточнил капитан.

– Хм... и его тоже. А маленькая подводная лодка, что в

Мурманске грузили, где она?

– Не было никакой лодки, товарищ комбриг, – удивился Чучкин, пропуская нас вперед на трапе. – Вот, цистерну с мазутом для Певека взяли попутным грузом. И документы на нее имеются. Хотите посмотреть?

– С документами позже разберемся. И Сагалевича у вас нет?

– Может, и есть, – пожал плечами капитан. – Но тоже надо бумаги смотреть, а они у начальника конвоя в каюте заперты. Но у меня есть запасной ключ. А вот, кстати, и наш «глубоководный аппарат». А я пока за ключом схожу.

– Борис Николаевич, – крикнул я вдогонку капитану, – там у меня, рядом с самолетом, дельфин плавает. Распорядитесь, чтобы его шоколадом угостили. У вас на корабле он есть?

– Есть, – грустным голосом ответил Чучкин. – Спирта нет, а шоколад есть.

И ушел. А Михаил Сергеевич смотрел в его спину с немим вопросом, недоумевая, как это на судне в Ледовитом океане нет спирта. Вернулся Чучкин только через полчаса, когда мы с Бабушкиным уже устали ждать и попросту разлеглись на полу корабельного сортира. А что делать? Ноги устали. Жрать после свежего воздуха хочется. Тут не до глупых буржуазных условностей. Мы, пролетарьят, народ простой, трюфеля ботфортом не хлебали. Разве что... Нет, не было в том французском обозе трюфелей. Да хоть у Дениса

Васильевича спросите...

– Ой, что вы, товарищи, – засуетился вокруг нас капитан «Пижмы», как переспелая смольненская институтка при виде кавалергарда. – Вам же тут неудобно. Пойдемте, я покажу каюту товарища Кандыбы.

– Дурака Кандыбы, – уточнил Бабушкин.

– Ой, как вы сказали?

– Дурака, говорю, – повторил летчик. – Его в Мурманске в психбольницу отправили. На почве хронической трезвости помешался. Сначала в чертей из «маузера» стрелял, а потом ангелов видел.

– Радость-то какая! – неожиданно тонко, по-бабьи, воскликнул капитан и умильно улыбнулся, при этом молитвенно сложив ладони.

– Ангелов видеть – радость?

– Нет, то, что меня от него избавили.

– Все так плохо? – поинтересовался я, поднимаясь с пола.

Чучкин стер улыбку с лица, всхлипнул и принялся жаловаться на свою горькую судьбинушку. На то, как в Мурманском порту начальник конвоя запретил грузить на борт канистры со спиртом. Потом устроил собственноручный обыск экипажа и выбросил в море найденные горячительные напитки. Как молотком сломал радиостанцию, подозревая радиста в сокрытии в ней заначки. Как провел ревизию медпункта, безжалостно изымая любые настойки. Но кульминацией всего стало требование заменить спирт в компасе во-

дой, дабы избежать пьянства на рабочем месте.

— Мы потому так далеко к норду и ушли, — жаловался капитан. — Вот только недавно курс подправили. Завхоз самогон для компаса изготовил. И еще осталось. Отобедать не желаете? А дельфинчика вашего я сам покормил. Представляете, ему больше всего понравились сардины в прованском масле. Экий гурман и проказник.

Неплохо, однако, питаются полярники. И это в стране, в которой совсем недавно отменили карточки на хлеб. А чего он сам-то такой тощий?

— А в царском флоте не доводилось ли вам служить, товарищ Чучкин? Речь у вас несколько старорежимная.

— Ну что вы, товарищ комбриг, — польщенно засмутился капитан. — Я вообще первый раз в море вышел, по приказу партии. Родом я из самых что ни на есть пролетариев Ярославской губернии. Но к флоту с малых лет приверженность имею и причастность. Служил я в Гельсингфорсе, в ресторане у господина, простите, гражданина Кюба официантом. И из разговоров флотских офицеров постиг морскую премудрость. Думаю, что и в бою управился бы с крейсером.

— Да? — усомнился я в капитанских способностях.

— Что крейсер, и броненосец поведу. Не сомневайтесь, товарищ Архангельский, — уверил меня Чучкин.

— Вот как? Тогда я сообщу товарищу Каменеву, что нашел командира нового крейсера для Тихоокеанского флота.

Чучкин побледнел и покачнулся. Бабушкин успел подста-

вить плечо.

– Ну что вы так, Борис Николаевич? – укорил я капитана. – Не стоит так радоваться. А давайте и в самом деле перекусим? На сытый желудок и документами займемся.

Легко сказать – займемся. Я, безобразно осоловевший и объевшийся, лежал на двуспальной кровати под шелковым балдахином и тупо пялился на запертый сейф. И что мне этот балдахин? Нет, это Кандыбе зачем он понадобился? И постельное белье подозрительное. С кружавчиками. К чему это я? Да ни к чему. Просто кровь от мозгов прилила к желудку, и мысли в голове ползают одинокие и простейшие. А главная из них – как мне открыть сейф? Нет, не так... Главная – вздремнуть бы пару часиков.

Уснуть мне не дал вежливый стук в дверь. Я разрешил войти, и на пороге показался сухонький старичок, за спиной которого маячили штыки конвоя.

– Что такое? – спросил я у вохровцев.

– Вы просили Сагалеви́ча найти, – пояснил один из бойцов. – Вот мы и привели.

– Хорошо, свободны. – отпустил я конвойных и предложил старику присесть.

Он опасливо посмотрел на роскошное ложе, на мои громадные унты поверх тончайшего шелка покрывала и осторожно присел на край соседнего стула. Я тоже сел. Нехорошо разговаривать с пожилым человеком лежа. Это Марат мог принимать аристократок, моясь в ванной. Но что вы хотите

от пламенных революционеров?

– Значит, вы Сагалевич?

– А вы знаете другого? Я вам так скажу, гражданин начальник, если найдется на этом забытом старым Яхве ковчеге еще один Соломон Сагалевич, то мне таки будет приятно с ним поздороваться. Ну где еще могут встретиться два старых еврея, как не на плавучей тюрьме в полудне ходьбы от Северного полюса? Вы таки не будете утверждать, что везете нас на Западный полюс?

– Не так быстро, гражданин Сагалевич, – попросил я сквозь смех. – Как вас по батюшке величают? А меня зовите просто – Гавриил Родионович.

– Вам это так необходимо, гражданин начальник? – удивился арестант.

– А что тут такого?

– Ничего, но с тех самых пор, как мой троюродный братец Вальмах устроил эту хамскую революцию, Соломона Сагалевича обзывали исключительно по матушке. И кому бы это понадобилось называть старого еврея Соломоном Боруховичем? А еще при Николае Втором я таки был звездой. Как, вы ни разу не слышали про маэстро Соломона? Да я вскрывал сейфы быстрее, чем гражданин Шуберт играл свои вальсы. Хотите, я на спор открою этот сейф обычной спичкой? Вы держите пари на пачку папирос?

– А что поставите вы, Соломон Борухович? Хотя я и заинтересован в вашем выигрыше. У меня нет ключей от этого

сейфа. Ну?

– Так гражданин начальник тоже умеет отвечать вопросом на вопрос? Простите, это к слову. Я ставлю на кон свою репутацию лучшего медвежатника страны. А это стоит больше жалкой пачки папирос.

Папиросы мне не жалко, все равно не мои. Я достал из ящика стола две пачки и положил перед Сагалевицем. Тот осмотрел давно не виданное богатство и хитро прищурился.

– Вы доброй души человек, Гавриил Родионович. Хотите, я, не вставая с места, научу вас самого, как открыть этот сейф?

Ого! Такие знания мне всегда пригодятся. А вдруг у шефа что-то интересное припрятано?

– Соломон Борухович, там, в столе, еще три таких пачки. Если научите – они ваши.

– Только папиросы вперед.

Я пожал плечами и протянул Сагалевицу требуемое. Он рассовал по карманам добычу и чуть откинул край иллюминационной занавески.

– Старый Соломон никогда не обманывает, гражданин начальник. Возьмите с крючка запасной ключ и откройте сами.

– Борухович, я тебя убью!

– Таки да, если это сделает вам хорошо. Но позвольте выкурить мои папиросы. Вы не торопитесь, Гавриил Родионович? Я очень мало курю.

– Бережете здоровье, Соломон Борухович?

– Вы таки хотите довести старого еврея до Колымы совершенно здоровым? Или прикидываете, выдержу ли я две высших меры социальной защиты? За то, что я вам тут наговорил. Да не нужно так беспокоиться, я и одной не переживу. Хотя приговором советского суда мне приказано стать должителем.

– Это как?

– Ну... если к моим семидесяти пяти добавить двадцать пять.

– За что четвертак? – удивился я. – Вроде бы социально близким такие сроки не дают. Вы же по основной специальности сели?

– Ах, если бы... – пригорюнился старик. – Меня подвело увлечение радиосвязью. И разве меня одного? У нас половина трюма – бывшие радиолюбители. О, какие позывные, я вам скажу. Да что может ОГПУ понимать в позывных? Аппаратный журнал и послужил главной уликой. Представляет, с двумя с лишним сотнями стран связывался. Значит – на каждую и шпионил. У меня в деле они все записаны. Как думаете, может, таки стоит обратиться к ним за зарплатой?

– Подождите, Соломон Борухович, – я остановил меркантильные соображения Сагалевича, – а вам в трюме священник не попадался?

– Алексей Львович? Как же не попадался, в одной камере влачим... так сказать. Матерый человечище!

Глава 7

*Местный поп, отец Василий,
бывший прапор КГБ,
Вышиб двери в эту баню проклятую.
Закричал: «Господь не выдаст!»
И во праведной злобе
Стал кадилом сокрушать супостатов.
Сергей Трофимов*

Житие от Гавриила

Матерый человечище... Может быть, и так. Но если бы не крайняя нужда, да ни за что бы не стал разговаривать со служителем культа. Не люблю я их. За что, спросите? Это профессиональное. Долго рассказывать. Ладно, расскажу – накипело.

Вот Вы часто молитесь? То-то и оно, не стоит Господу надоедать молитвами. Ему вообще не надо надоедать. А эти? Целый день триндит: «Господи спаси... Господи помилуй... Боже сохрани...» А что конкретно? Нет, ты объясни... Ну да, бывают и более точные просьбы. «Дай бог здоровья». Ага, все брось и дай. Когда ему здоровье давать, если от обедни в сауну с девками, а к заутрене из кабака? Здоровье ему... Последний раз, когда матушку хоть в щечку поцеловал, дол-

гогривый? Сил хватает только, чтобы вечером перекрестить ее и захрапеть трубой Иерихонской.

Думаете, пейсатые лучше? Как же. Молится такой ребе с утра: «Господи, изничтожь всех гоев». Обращается вроде к Нему, а трудиться мне. Изничтожь... Ты точный список мне дай. В трех экземплярах. На русском языке с сурдопереводом. Точные данные, привычки, распорядок дня, маршруты движения. И фотографии каждого. Не по телефонному же справочнику работать?

Еще одна просьба мне нравится. Она, правда, ко всем относится. К верующим и неверующим, независимо от конфессии. «Господи, пошли мне богатство». Почему бы и нет? Пошлет. Но ты хоть для начала отлепи задницу от дивана, к которому прирос еще два года назад, присев на минутку и обложившись ящиками с пивом. На работу устройся, придурок.

Мулла. Ну, этих сразу модерируем, не прослушивая. Почему? Как почему? Мулла татарский, а молитва на арабском. У нас инструкция. Параграф семь, пункт двенадцатый. Бюрократия-с. Да и не хочется, на старости лет, варварские наречия учить. У нас государственный язык – русский. Ну и остальные скифские диалекты в качестве местных языков. Хотя некоторые скифы одичали до офранцузивания и онемечивания в такой степени, что трезвому-то и не разобрать.

То ли дело в старые времена! Проснешься поутру, умоешься росой медвяной, молока попьешь, кусочек берега ки-

сельного скушаешь... Благодать. На работе почту проверишь, а там лишь благодарения, славословия и отчеты о праведности. Кто какое дерево посадил, сколько сынов народил, сколько вражьих домов пожег.

О чем это я? Ах, о священниках... Ну, пойдем, посмотрим на местного батюшку. Мы вышли из каюты, и я отстранил конвой, пытавшийся прибрать Сагалевича к рукам.

– Амнистия ему вышла. Копию постановления суда получите в Москве. Да, и пометьте об этом в своих grossбухах, или что там у вас. Приведите мне заключенного. Соломон Борухович покажет которого и поработает у вас Вергилием. Не мне же по трюмам ходить.

Вертухаи уважительно смотрели на представителя незнакомой профессии. Пришлось поторопить их.

– Чего рты разинули? Шагом марш отсюда!

– Есть, товарищ комбриг! – хором гаркнули конвойные и дружно повернулись кругом.

Один через левое плечо, а другой через правое. Тьфу, дярвеня. Ну да, тоншаевские волки. Деревня Тоншаево, что на самом севере нынешнего Горьковского края, поставляла солдат в конвойные войска, наверное, еще со времен Василия Темного. Воспетый в песнях вологодский конвой – так, детишки в песочнице. У-у, сволочи. Это их предки меня в кандалах до самой каторги гнали.

Приведя себя воспоминаниями в суровое настроение, я был готов к встрече со священником. А пока brave сол-

датики под предводительством мультишпиона приведут его, можно покопаться в сейфе бывшего начальника конвоя.

Так, что там у нас? Пачка патронов – в сторону. Деньги, на вид тысяч десять. Приберем. Чулки женские, фильдеперсовые, с начесом – на фиг. Солдатики оловянные, стойкие – одна коробка. К ебе... ой, тоже не нужно. Ага, нашел. Вот и списки заключенных. Угу, год рождения... статья... срок... Вот это интересное – гражданские специальности. Так что, тут не один Соломон такой? Занятно.

За спиной скрипнула дверь, которую, видимо, забыл закрыть.

– Товарищ комбриг, привели.

– Хорошо, подождите за дверью.

Когда я повернулся, священник слегка побледнел и размашисто перекрестился.

– Господин полковник? – прошептал он. – Вас же в Галиции...

Житие от Израила

– Прилетели! – сообщила мне конопатая физиономия, просунувшаяся в дверь радиорубки.

Вот и славно. А то я уже беспокоиться начал за начальника. Улетели еще вчера под вечер и шлялись всю ночь неизвестно где. Хорошо еще, что полярный день в этих широтах еще не кончился. Но бензина у них часов на восемь полета. При попутном ветре. Но если прилетели, значит, нашел Гиви «Пижму». Иначе до сих пор гребли бы веслами. Прецеденты бывали.

Я снял с вешалки теплую куртку, надел ее и, кутаясь в шарф, вышел на свежий ветерок. Это терпение только бывает ангельским, а здоровье у нас обыкновенное, хрупкое. С человеческим, конечно, не сравнимое, но и судьбу искушать не стоит. Тем более в неясной ситуации с непонятными перспективами.

Гиви стоял спиной ко мне и, перегнувшись через борт, помогал кому-то подняться. Кого они там привезли, Бабушкин уже на палубе? Начальник легко вытащил и поставил рядом с собой носатого старика в красноармейской шинели без петлиц. Батюшки, неужели я сподобился живого сиониста увидеть? Это он – икона? Нет, пусть сами его на антенну вешают.

Следующий пассажир поднялся на «Челюскин», и мне

пришлось признать свою ошибку. Настоящий священник, в меховой шапке и рясе, видневшейся из-под тулупа, крепко прижимал к груди туго забитый баул. А чего у него лицо такое знакомое? Я мысленно побрил батюшку и переодел в мундир. Точно он, ротмистр Нижегородского драгунского полка Алексей Львович Акифьев. Чего он в попы подался? Впрочем, это его дело, а такие люди нам нужны. В моем полку отродясь засранцев не водилось. Разве, как исключение, когда Александр Третий своего Кольку над полком определил, надеясь на благотворное влияние боевых офицеров. Вот только черного кобеля не отмоешь добела. Ну, меня там уже не было. Все претензии к его высокоблагородию, полковнику Архангельскому. Я только так, изредка наведывался.

Почему мой? А чей же? Имел честь дважды командовать прославленными драгунами. Первый раз еще при Павле Первом довелось. А второй – уже при Николае Первом. Гиви в политику с головой окунулся, мне же досталось доблесть под персиянскими пулями проявлять. И проявил. Дербент брал, Ереван брал, Эрзерум брал. А при Джевал-Булахе собственноручно вражеское знамя пленил, пройдя с поручиком Левковичем сквозь сабли свирепых сераскиров. За тот бой и орден Святого Георгия имею. Правда, брат Гоги орден смотрел, сказал: «На мэня ни пахожь». Только из-за родственника-декабриста генерал-майором не стал. Обидно. Ведь честолюбие, как и ничто человеческое, нам не чуждо.

Бывший ротмистр перекрестил ходовую рубку и собрав-

шихся моряков. К нему тут же подскочил бабушкинский техник.

– Благослови, отче. – И оглянулся на летчика с оправданием: – Я же еще не комсомолец.

Отец Алексей перекрестил его и благосклонно протянул громадную лапу для поцелуя.

– Как зовут тебя, отрок благочестивый?

– Мойша я. Шниперсон.

– Что? Какой еще персон?

Батюшка выдернул руку и тряхнул рукавом. Оттуда вывалилось массивное кадило на толстой цепочке.

– Сейчас я тебя благословлю, иродово племя, – прорычал он, покачивая кадилом и держа в прицеле белобрысую макушку.

– Свой я, свой! – в ужасе отпрыгнул Мойша. – Тамбовский я. А так в детдоме назвали. До того я Антонов был.

– Да? Ну, тогда извини, сын мой. Нервы. В узилище среди иудеев, яко Даниил в пещи огненной пребывал. Да при перелете некий сукин сын все притереться норовил.

– Да я вообще отвернулся! – возмутился Сагалевиц.

– Вот, зри, व्यюнош, на какие ухищрения лукавый пускается, лишь бы православному служителю задницу показать.

Гиви высмотрел в толпе встречающих завхоза и подозвал его.

– Пассажиров помыть, переодеть, накормить и определить на постой. Все понятно?

– Так точно, товарищ комбриг! – в лучших армейских традициях щелкнул каблуками Могилевич. – Разрешите исполнять?

Завхоз увел Акифьева с Сагалевичем, а Гиви подошел к Шмидту.

– Все в порядке, Отто Юльевич. Нашли мы «Пижму». Через пару часов подойдет. Меня пока не беспокойте, пожалуйста. Мы с товарищами на чрезвычайное совещание.

– Что-то случилось, Гавриил Родионович? – обеспокоился Шмидт.

– Все в порядке, – пояснил Гиви, – просто у нас, как у настоящих чекистов, все события чрезвычайные.

Москва. Кремль. Кабинет Сталина

Поскребышев неслышной походкой подошел к столу, на котором была расстелена подробная карта Арктики, и склонился к лучшему другу советских физкультурников.

– Товарищ Сталин, прибыл Каменев. Дождется в приемной. – и замер, ожидая реакции.

– Это который «и Зиновьев»? Разве ему разрешили выехать из Минусинска? – уточнил Вождь.

– Нет, товарищ Сталин, там Сергей Сергеевич Каменев. Вы ему на это время назначили.

– Пусть войдет. И распорядитесь насчет чая. Какой чай предпочитает товарищ Каменев?

– Он коньяк любит.

– С больным сердцем и коньяк? Хорошо, и его тоже принесите.

Секретарь (точнее заведующий секретариатом, но разве можно поручить подчиненным такое ответственное дело?) вышел, и вместо него на пороге кабинета остановился Каменев.

– Разрешите?

– Конечно, Сергей Сергеевич, проходите. Я же вам говорил, по нашему, арктическому делу приму в любое время дня и ночи. Нам, старой ленинской гвардии, спать некогда. Потому что враг не дремлет. Присаживайтесь вот сюда.

Удивленный заместитель наркома осторожно опустился на предложенный стул. Мало того, что Сталин назвал его по имени и отчеству, что делал крайне редко и неохотно, так еще и сесть предложил. По слухам, посидеть в сталинском кабинете удавалось только ночной уборщице. Да и то сомнительно. На такую должность меньше чем лейтенанта не поставят, а уж он не позволит себе лишнего. А если и позволит... На Колыме, говорят, участковых не хватает.

Иосиф Виссарионович помолчал, ожидая, пока порученцы вкатят уже сервированный стол на колесах и покинут кабинет. Хотя... Просто уйдут, рангом еще не вышли – покидать.

– А давайте мы с вами в кресла пересядем, Сергей Сергеевич. Потребление хорошего коньяку предполагает удобство. Что мы, как два комиссара в сортире ГлавПУРа должны выпивать? Пусть Гамарник сам пьет в своем сортире. Как вы думаете?

– Я не знал, что Ян Борисович... В таких условиях...

– Да это не о нем, а вообще. – Сталин неопределенно покрутил рукой. – Вот царские полковники знали толк в удобствах? Ну не смущайтесь так, Сергей Сергеевич. Были там и положительные моменты. Мундиры, к примеру, взять. А? Я ведь еще в восемнадцатом году предлагал товарищу Ленину оставить погоны в армии. Нет, прислушался к мнению иудушки Троцкого.

Сталин жестом попросил Каменева разлить коньяк и, взяв

бокал, продолжил:

– Кто придумал эти серые гимнастерки, я? Или, – последовал ненавидящий взгляд на вешалку, – фуражки утконосые? А вот представьте себе, Сергей Сергеевич, будто стоим мы на трибуне Мавзолея, первомайский парад принимая. Белые кителя, а на них погоны золотые. На груди ордена теснятся. С бриллиантами и рубинами. Да на орденах князь Кутузов, граф Суворов, князь Александр Невский. Представляете?

Каменев представлял. Но понимая, за такими откровениями может последовать все что угодно, мысленно примеривал не белый парадный китель, а элегантную телогрейку с номером на груди. Сжав бокал, он одним глотком проглотил содержимое, которое огненной бомбой взорвалось в желудке.

– Вот это правильно, Сергей Сергеевич – похвалил товарищ Сталин. – Сразу видно военного человека. Принял – и снова в бой. Одобряю. Борис Михайлович Шапошников тоже такой. стакан коньяка выпивает – и в свою академию лекции читать. «Не могу, – говорит, – я трезвый без слез на красных командиров смотреть». Сразу видно – настоящий полковник, как и вы. Ну зачем же по привычке пытаться занюхать аксельбантом? Вот, брынзу рекомендую.

Иосиф Виссарионович сам последовал своему совету, взял кусочек сыра, переложил его веточками кинзы, внимательно осмотрел, будто выискивая недостатки, и отправил в

рот.

– Неплохо. Давайте-ка я разолью еще по малой толике, а вы, Сергей Сергеевич, прочитаете новую телеграмму с «Челюскина».

Замнаркома ознакомился с текстом и в недоумении поднял голову.

– Бред какой-то, товарищ Сталин.

– Ну почему же? Мне, наоборот, даже при заочном знакомстве, комбриг Архангельский показался весьма здравомыслящим человеком. Или вы о том, что комбриг Берия оказался старшим братом первого секретаря грузинского ЦК? Эка невидаль, потерялся человек в младенчестве, а родители нового ребенка в честь старшего назвали. У нас на Кавказе и не такое происходило.

– Я не о нем, Иосиф Виссарионович. Это о «Пижме». Кому могло взбрести в голову отправлять Северным морским путем две тысячи заключенных?

– И каких, заметьте. Большая половина из них – редкие специалисты, так нужные сейчас в промышленности. Особенно в военной. Кстати, обратите внимание, что комбриг Берия предлагает создать для них особые закрытые конструкторские бюро, остроумно назвав их шарашками. Замечательно человек разбирается в психологии русского интеллигента. Не находите? Только работа под принуждением позволит им полностью реализовать свой потенциал. А иначе – так и будут сидеть на кухнях, перемывая мои косточки и вы-

нашивая грандиозные планы обустройства страны.

– А давайте Берии и поручим это направление, – предложил Каменев.

– Сергей Сергеевич, вот вернется он с Северного полюса, тогда и подумаем над этим вопросом. А пока прошу заняться вас. Подготовьте помещения, проведите режимные мероприятия. И пока выясните потребности армии в радиотехнике. Особенно обратите внимание на авиацию и танковые войска.

– Но, Иосиф Виссарионович, товарищ Ворошилов считает...

– Меня не интересует, что считает товарищ Ворошилов, – и вас не должно интересовать. Нашли военный авторитет – слесарь третьего разряда. Климента Ефремовича мы поставили наркомом в качестве символа, а для принятия решений есть вы и товарищ Тухачевский. – И неожиданно перескочил на другую тему. – Так каково же будет мнение по поводу введения погон?

– Политбюро не согласится, Иосиф Виссарионович. Да и повода нет, как это подать?

Сталин поморщился, как от зубной боли.

– Мы еще решим этот вопрос, Сергей Сергеевич. А потом и с погонами определимся.

Замнаркома поставил пустой бокал на столик и встал, решив, что разговор окончен.

– Подождите, товарищ Каменев, еще не все. Распоряди-

тесь приготовить самолет, пусть доставят пакет на «Челюскин». В наше время нельзя полагаться только на радиосвязь. И последнее... Как вы смотрите на то, чтобы войти в состав ЦК? Не надо отвечать. Просто пока подумайте. А то нехорошо получается – Косиоров двое, а Каменевых ни одного.

– Но, Иосиф Виссарионович, я даже не кандидат.

– Зато им является товарищ Ягода. Обязательно поинтересуюсь, а нужна ли эта нагрузка ему. А вашим людям, в свою очередь, должно стать интересно – какое отношение имеет Генрих Григорьевич к странным арестам?

Житие от Гавриила

– И куда ты собираешься девать целый пароход с эка-ми? – спросил Изя, разглядывая в бинокль возникший на горизонте дымок «Пижмы».

– Лаврентию отдам, – пожал я плечами, – он сам проявил разумную инициативу. Кто писал Сталину про шарашки, я? Вот пусть и строит их на Земле Иосифа Виссарионовича.

– Но там слишком холодно, – попытался возразить Берия.

– Печки будешь топить. У нас в экспедиции пятеро печников имеются. Ну, куда нам столько? Думаю, Отто Юльевич войдет в твое бедственное положение и откомандирует парочку. Устроит? А Сагалевича главным истопником возьми. Он тебе будет дрова доставать. Соломон Борухович, вы сможете обеспечить товарища Берия топливом?

Старый шпион-медвежатник собирался с мыслями, передвигая невидимые костяшки счетов. Когда дебет с кредитом сошелся, он улыбнулся.

– Как это не смогу? Вы сомневаетесь в умственных способностях старого Соломона? Конечно, это не будет стоить дешево, Гавриил Родионович. Но возможно. При наличии соответствующего финансирования.

– Златой телец тебя погубит, Моня, – напроорочил мрачно отец Алексей. – Нет бы из любви к ближнему помочь бескорыстно. А ты...

– Что я? Вы по себе знаете, к чему приводит абстрактное человеколюбие. Оно надо было, отец Алексей, в ту баню дверь вышибать? Ну, угорел бы оперуполномоченный, и что с того? Меньше бы их стало? А так... Жизнь ему спасли, а поцарапанный щепками нос был квалифицирован как нанесение тяжких телесных повреждений представителю власти. По статье-то вы – террорист, батюшка. Так что, пусть ближние сами о себе беспокоятся. А у меня родственники есть. О них и забочусь. Знаете моего троюродного братца со стороны бабушки свекрови тетки их покойного деда? Гирша Нахамсона? Таки у него есть своя угольная шахта на Шпицбергене. А вы говорите, дрова, дрова. Нет, я, конечно, не сомневаюсь в способностях товарищей из ОГПУ организовать лесоповал даже на дрейфующей льдине, но вы сначала просчитайте себестоимость доставки деревьев на эти айсберги.

– Вот тебе целый корабль айсбергов. – батюшка кивнул в сторону приближающегося судна.

– Ай, не морочьте мою голову, отче, там их всего двое. Давид и Саул Айсберги.

Меня отвлек подошедший Кренкель.

– Все готово, товарищ Архангельский, – он покосился на стоящих рядом посторонних, – новый антенный усилитель установлен.

– Хорошо, сейчас будем. Лаврентий Павлович, мы с товарищем Раевским отлучимся в радиорубку. Ты не мог бы взять на себя почетную обязанность отделения агнцев от коз-

лиц?

– Я таки помогу, – предложил свои услуги Сагалевич.

– Изыди, окаянный. – отец Алексей покачал кадилом. –

Сами справимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.